

Кира Страйк

ПОПУТЧИКИ

Кира Страйк Попутчики

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69785848

0101

Аннотация

Да что же такое! Высшие силы решили, что я прожила слишком скучную жизнь? Или невыполнила какую-то кармическую миссию? Только ведь добралась до пункта ""живи, да радуйся""! Устроила ""пряничком"" собственную судьбу и собралась, было, насладиться заслуженными лаврами. Так нет же! Начинайте, дорогая, всё с самого начала. Да ещё и с посторонним мужиком, который, некоторым образом – муж. Уф-ф! Хотя... ну-ка, ну-ка... Знаете, иногда кажется, что, вроде, всё плохо, приглядишься – ан нет. А оно и хорошо!

Содержание

1	4
2	10
3	17
4	24
5	32
6	39
7	46
8	54
9	62
10	69
11	76
12	83
13	90
14	97
15	104
16	111
17	119
18	126
19	133
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Попутчики

Автор: Кира Страйк

1

– И чего вообще повелась на это приглашение? – я стояла перед зеркалом, поправляя причёску и ворчала сама на себя за необдуманный порыв, – Скучно, видите ли, стало... Нет, ну Алексей Леонидович, конечно, мужик видный, солидный, но чего врать – душа-то не лежит.

Я собиралась в ресторан на банкет по случаю юбилея какого-то важного товарища, которого, честно сказать, в глаза не видела. А заманил на сие пафосное мероприятие новый ухажёр. Ну как... я ещё не знаю, что с ним делать.

На свидание один на один идти пока не очень хочется – не в том мы возрасте, чтобы опрометчиво делать авансы мужчинам. Ладно бы кто со стороны был – а то начальник отдела снабжения филиала «Роснефти», в котором я сама работаю заместителем главного бухгалтера. Вот он и придумал этот повод – вроде как развеяться, выгуляться, а заодно и пообщаться поближе.

И надо же мне было повестись на эту уловку. В жизни не любила подобных натянуто-регламентированных мероприя-

тий. Чего одни только сборы стоят.

Начинается, конечно, всё обычно весело. Но пока определишься с нарядом, к нему ж как закон – новенькие туфли, и куда ж без сумочки в стильном образе. А вот бы ещё свежую покрасочку, да и стрижку можно подновить, про маникюр-педикюр так и вовсе молчу. И вроде всё вышеперечисленное и так в порядке – но нет же, надо всё новое и шикарное, раз уж повод есть.

Всё это чудесно, но пока собралась – уже устала. Нагуляла-ась – по самую маковку.

– А платье-то, кстати, шика-рное – надо же, я и забыла, что этот густой карминно-красный мне так шёл.

Сама бы, безусловно, не рискнула снять его с вешалки. Повезло с консультантом – молодой девочкой из, наверное, восьмого по счёту магазина одежды, в который я добралась уже на последнем издыхании. Весь секрет в элегантной длине – самую малость ниже колена, простоте фасона – оно и так выигрышно смотрится за счёт цвета, и чуть завышенной талии. Прямо самую малость – очень продуманно. И, вуаля – огорчительное, неистребимое пузико вообще стало незаметно.

Сорок шесть лет, знаете ли. Хоть и грех на фигуру жаловаться, но юношеской талии, коли природой так заложено, уже не добиться никакими ограничениями.

Вспомнила свой последний эксперимент с радикальным похудением и поморщилась – столько усилий, и всё ведь не

напрасно – влезла в свой юношеский сорок шестой размер, но тут же кожа высказала своё категорическое «фи» на эти яростные потуги. Ой, ладно. Как там любят говорить продуманные рекламщики дорогой косметики и всяческих модных оздоровлений, избегая неприятных слов, вроде «старение» – будем взрослеть красиво! Не запуская себя, но без фанатизма и самоистязаний. А животик – он, знаете ли, и в сорок шестом, честно-то сказать, не исчез. Ну и пожалуйста.

– Хороша, чертовка! – я ещё раз критично оглядела себя в зеркало.

Может и не Анджелина Джоли, или кого там нынче возносят на пьедестал эталона мадамской красоты, но вполне себе. Тёмно-каштановые волосы, уложенные Светой (постоянной, проверенной парикмахершей, которая и вслепую уже может сваять на моей голове шедевр) в элегантную причёску, деликатный макияж, всё ещё насыщенно-карие глаза и главное украшение – открытая уверенная улыбка.

Кто бы сказал мне – деревенской девчонке, что когда-то смогу позволить себе, ну пусть, конечно, не яхты с личными самолётами, но многое из того, что считается роскошью, а не только огурцы-помидоры, выращенные НЕ САМОЙ...

Ковыряясь в детстве в ненавистном огороде, сколько помню, горячо мечтала о том, что всё это когда-то смогу просто купить. Ну ведь кому-то это нравится, говорят даже нервы успокаивает – так вот это точно не про меня. О-ох, а курам головы рубить? Бр-р – как вспомню – так вздрогну. Па-

мьять ранней юности до-олгое время мешала даже помыслить о приобретении дачи, или там домика в деревне. Только теперь, спустя столько лет задумалась о хижине на природе с клумбами и стриженным газоном. Потянуло, знате ли от городской суеты.

Но тогда, как только в руки попал аттестат об окончании школы – не задумываясь сбежала в город поступать на экономический факультет краевого государственного университета.

И знаете – поступила. На заочку. И работала. Мотивация – великий двигатель. К тому же, душой я, в общем-то, никогда не была. По крайней мере, относительно учёбы. Чего не скажешь о жизненной ... как это выразиться... умудрённости. Это сейчас научилась отстаивать свои интересы, а тогда-а... Ой, как вспомню – наи-ивная-а. А какой патриот! Особенно там, где на этом светлом чувстве умеют ловко ездить.

Когда на третьем курсе меня взяли в налоговую инспекцию, – гордости же не было предела! В те далёкие времена налоговая служба ещё не была государственной и завершённость высшего образования не считалась обязательным условием для приёма на работу.

Конечно, городские дальние родственники немного по своим связям похлопотали за это место, и конечно, на «три копейки» зарплаты, но это был совершенно иной статус.

Хорошо ещё замуж выскочить и Саньку родить успела до

того, как всё вокруг начало меняться. Особенно, когда моя структура стала межрайонной.

Так и отпахала восемнадцать лет. За государство и свой гордый статус. Если кто полагает, что в налоговой сотрудницы деньги гребут лопатой, так то – большое заблуждение. На самом деле это бесконечные командировки по районам с проверками крупнейших предприятий, между ними где-то семья. Никто ведь не смотрел на половую принадлежность и семейное положение – умеешь грамотно сделать работу – вперёд и с песней. Вечная гонка. Ещё бы это на зарплате как-то заметно сказывалось.

Больше всего этот хаос отражался на отношениях с мужем. В конечном итоге, как красиво выражаются, семейная лодка разбилась... А, хотя там «о быт»... Да какой уж тут быт, когда мамы и жены вечно не бывает дома.

Несколько лет назад жена однокурсника, с которыми мы тепло дружим и даже иногда встречаемся, начала звать к себе в Красноярск в филиал «Роснефти» на очень хорошую зарплату. Не за красивые глаза, естественно, и даже не по дружбе – просто с моим опытом я теперь могла работать в любой отрасли. По своему направлению, конечно.

Так я же ещё год сопротивлялась! Как же, восемнадцать лет службы! По вбитым родителями заветам, порядочный человек вообще всю жизнь должен отработать на одном предприятии! Да и страдальческие глаза начальства, с кото-

рым за все эти годы тоже сложились тесные, не только рабочие отношения – давили на совесть. Мол, кто работать-то будет? И это постоянное дурацкое ощущение, будто вообще, вся организация прямо-таки обязана рухнуть без моего активного участия!

Не знаю, Ольга меня «дожала», или, наконец, озарение снизошло, но в какой-то момент, вдруг, остановилась и меня проняло: Сашка уже вырос, уехал в Питер, женился и всё у него хорошо. От родителей совершенно не зависит. С бывшим мужем мы расстались хоть и не врагами, но и не друзья до гроба. Мой век проходит, а, кроме работы, так ничего и не увидела – знай себе кручусь. Ради чего?

В общем, махнула рукой, собрала чемоданы и решительно перевернула свою загнанную жизнь.

Теперь сижу в тёплом кабинете, пусть по-прежнему очень много тружусь, но, ребята, за деньги! Более того, имею время их тратить. Жаль, правда, что с возрастом уходит юношеская бесшабашность в отношении личной жизни. Приходит опыт, а с ним осмотрительность, осторожность и где-то даже лень. Но ничего – вот собираюсь, как видите, встряхнуться. Хотя, тащиться куда-то уже так неохота-а...

2

Ладно, пошла. Алексей Леонидович уже отзвонился, что приехал за мной и ждёт в машине.

Исходя из того, что приглашены мы в "Старый замок" на проспект Мира, юбиляр – товарищ не из бедных. Наслышана. Там и просто посидеть не очень-то бюджетно, а уж банкет закатывать ... Ну да я-то чего об этом думаю – будем наслаждаться видом с веранды и роскошью блюд – говорят, кухня там восхитительная*.

Место и в самом деле приятно радовало глаз интерьером в стиле альпийского шале – тёплое массивное натуральное дерево, нарочито необработанный камень арок, мягкие однотонные шторы светло-кофейного оттенка без вычурности и такая же обивка удобных кресел, а так же мягких сидений вдоль стен, украшенных каретной стяжкой. Изюминка – настоящий камин, из которого доносилось умиротворяющее потрескивание дров.

Правда, большое количество гостей – человек, я думаю, не менее пятидесяти, создавали суету и шум, заглушающий эти благодатные звуки. Мы со спутником прошли к своим местам – хозяин вечеринки был пока занят другими гостями.

Содержание столов покоряло изысканностью блюд, красками и ароматами. В меню сегодняшнего вечера, заботливо разложенном на столах (видимо, чтобы гости не ломали го-

лову над вопросом – что они едят), значилось приличное количество наименований. Что-то уже манило гурманов с тарелок, что-то, так понимаю, принесут потом.

Интересный, однако, вкус у именинника. Мясную строганину и северную рыбу здесь собирались подавать на ледяной глыбе, котлеты из утки – в тандеме с грушей в слоеном тесте, значилась так же уха из муксуна и печени налима. К вину полагались охотничьи блюда, которых в Красноярске, кстати, не сыщешь – ну я до сих пор не встречала: например, галета с мясом марала, домашней моцареллой и томатами или бифштекс из лося с муссом из сельдерея. Ну и всё в том же духе.

Я отложила в сторону стилизованный под опалённую бумагу листок – завидев просвет в хороводе гостей вокруг юбиляра, мой спутник потащил меня представляться Александру Владимировичу и одаривать того подарком. Ну что ж – познакомимся.

Для своих пятидесяти пяти мужчина выглядел очень даже неплохо. Не знаю уж – спортивное прошлое (если оно было), генетика или что ещё, но фигура его сохранила стать. Зрительно немного тяжеловат, но на походке и движениях это каким-то мистическим образом вовсе не сказывается. Седина благородного цвета (не жёлтая, тусклая – видели, наверное) серебрит когда-то явно смоляные волосы. Глаза – серые, уверенные и какие-то... пресыщенные что ли. В общем, на этом моменте мой интерес к нему увял.

Александр Владимирович с лёгким кивком любезно улыбнулся нам ровно с тем же выражением, с каким я бы улыбнулась, например, стенке (хотя, придумать не могу, зачем бы мне это делать). И, вдруг, даже жалко его немного стало – мужику той улыбкой как будто челюсти свело. Только совсем уж ненаблюдательный человек мог бы не заметить, что удовольствием от вечеринки в его настроении даже не пахнет, а совершается сей пышный ритуал исключительно из необходимости.

Практически втискиваясь между нами, целеустремлённо завладевая вниманием центральной фигуры мероприятия, энергично подошла пара – пожилой солидный дядька и молодая блондинка с длинными, шаловливо выющимися нарощенными локонами и бюстом пятого размера. Тонкие бретельки едва удерживали достояние красавицы в рамках мифического золотого коктейльного платья, змеиной кожей струящегося до круглых колен.

– Са-аша, дорогой! С юбилеем! – по-свойски поздоровался и похлопал "Сашу" бодрый старикан, – Познакомься с моей дочерью – я тебе о ней говорил. Вот – моя гордость! Красный диплом Московского университета. Надеюсь, ты не забыл, о чём мы с тобой говорили?

Улыбка юбиляра стала более напряжённой.

– Твоя старушка уже подалась на пенсию? Я бы на твоём месте поспособствовал – вон, какие кадры на замену подросли! Ну ладно, ладно – позже поговорим. – дед, вроде бы,

даже подмигнул Александру Владимировичу, ничуть этим действием не добавив тому оптимизма.

Барышня заинтересованно стрельнула в юбиляра кокетливым взглядом, томно хлопнула длинными, кукольно-совершенными искусственными ресницами и, напирая, простите, персями, зачем-то подала имениннику ручку. Типа, как в древние времена – дворянки.

Кажется, даже папеньке стало неловко. А наш именинник и вовсе чуть не задохнулся. Но всё же стиснул зубы и вежливо склонился к сверкающим бриллиантами пальчикам в имитации поцелуя.

Вечер шёл в заданном режиме. По большому-то счёту всё было прекрасно – даже покритиковать нечего, за исключением того, что я быстро жутко устала от толпизма и чувствовала себя неуютно от дежурных приветствий и учтивых гримас незнакомцев, проплывающих мимо. Кавалер мой уже принял на грудь – не то, чтобы много, но достаточно, чтобы косить масляным глазом в декольте "золотой" блондинки, сидевшей неподалёку. Вот уж кто тут был, как рыба в воде.

Попросив Алексея Леонидовича не беспокоиться, я усмехнулась про себя и вышла на открытую веранду – захотелось воздуха.

– Еще немного потерплю, ради приличия, и придумаю благодидный предлог, чтобы улизнуть из этого... великолепия.

На веранде уже было полно народу – не одна я желала освежиться.

– Ты видал, какая красотуля к нашему шефу клеится? – нетрезво усмехаясь, развязно и достаточно громко комментировал вечер молодой парень за соседним столиком, – Куда ему такие?! Хотя, с его-то баблом – любая в койку прыгнет. А толку? Вот я бы...

– Тихо будь. – одёрнул его собеседник, – Раздухарился! Ты того – пореже стопки мечи. А Владимирыча не трожь. Ты рядом с ним – сопля.

– Да ла-адно, чего завёлся?! – обиделся тот.

– А то, что пришёл тут без году неделя – дел не знаешь, а туда же...

– Ну ты чо? – осоловело завозмутился парень, – А-а-а! Подхалим ты, Вовка. А шеф и без твоей защиты не напрягается.

– Шеф наш своё уже отнапрягался. Когда ты, щегол, ещё на свет не родился. Афган прошёл – и выжил. Дело своё по крошкам собирал, с затрапезной автомастерской начинал – вон какую махину вырастил. А ты кто? И в койку-то ему не заглядывай. Гляньте, какой гигант выискался. – похоже этот, что постарше, не на шутку разозлился, – Сидит тут, супнабор, вешалка гардеробная... на кого рот открываешь? На Владимирыча? Владимирыч – глыба.

– Ну ладно, всё, не ори. – у молодого, кажется, начало проясняться сознание и он сообразил, что несёт лишнего.

– Меньше бы языком тренькал, глядишь – и за умного сойдёшь. – раздражённо ответил второй и замолк. Потому,

что...

Ну да, я обернулась и увидела, как объект бурного обсуждения тоже появился на веранде. Точнее его, цепко взяв под локоть, вёл сюда уже знакомый нам старикан – так и не поняла пока, что он за важный чин такой, что имеет влияние на "глыбу – Владимирыча". Блондинка, конечно же, дефилировала следом.

И нужно же было им встать непременно рядом со мной. Хотя, это, как раз объяснимо – в другом конце веранды было ещё больше народу.

– Надеюсь, ты держишь для нас вакансию главного бухгалтера? Когда уже свою бабулю отправишь нянчить внуков? – вкрадчиво перешёл к делу настырный дедуля.

– Как выражается моя бабуля, "чистить окна" и "украшать витрины"*** – нужно умеючи. Тут опыт необходим. – осторожно попробовал отбиться от намёков напористого собеседника юбиляр.

– Как окна чистить? – возмущённо подобралась блондинка, – Какие витрины? Папа! Ты же не в клининговую компанию пытаешься меня засунуть?

– Э-э... – немного растерялся папа, – Иди потанцуй, детка.

– Полупроводник.*** – вполголоса не удержалась от комментария я. Вроде как, в никуда. И поймала на себе живой, заинтересованный взгляд Александра Владимировича.

* Ни в коем случае не считите за рекламу заведения. Его не существует. В Красноярске не живу. Просто, во избежании подозрений в скрытой рекламе, придумала подходящее место – надо же куда-то вести своих героев)))

****Украшение витрины, чистка окон** – на профессиональном сленге бухгалтеров – операции или бухгалтерские уловки для приведения баланса в соответствие с установленными требованиями на дату представления отчетности регулирующим органам.

*****Полупроводник** – плохой бухгалтер.

Александр.

– Рад! Рад видеть, Пётр Васильевич, Светлана Николаевна! – я улыбался очередному важному гостю и его любовнице, попутно делая в голове заметки, – *Надо бы не забыть поймать Васильича в нужной кондиции – чуть расслабленного, но в сознании... Знаем мы, как наш таможенный бонза дружит с алкоголем. У Винокурова вон в последний раз еле в машину затолкали. А вопрос с застрявшей партией автомобилей надо срочно решать.*

– А ты молодцо-ом, молодцо-ом, Александр Владимирович! Поздравля-а-ю! – вяло жал мою руку он.

– Благодарю! Проходите к столу. – я поискал глазами и окликнул распорядителя банкета, – Уважаемый, проводите гостей... да-да, места у окна, поближе к сцене.

Ко мне уже шёл Алексей Леонидович – снабженец "Роснефти" – ушлый проныра, легко заводит связи. "Глаз, да ухо" с ним, но со многими "на короткой ноге" и очень полезен. Особенно, в плане того, чтобы продвинуть мои назревшие интересы с заправками. Не за даром, конечно.

– *Дамочка с ним... первый раз вижу. О-о, у нашего снабженца появился вкус? Ничего дамочка, можно и... .. нет, старовата.* – привычно скрытые под маской любезности, мысли лениво текли в голове.

– А вот и кошмар вечера пожаловал. – ко мне уверенно направлялся Семён Семёныч – глава местного Роспотребнадзора, почему-то решивший, что я обязан обеспечить должностью бухгалтера его дочурку, – *И что, вот эта новогодняя ёлка, значит, и есть дочь. В чешуе, как жар, горя...* А что ж не леопардовая? Сколько же ты, папаша, отвалил за деточкин красный диплом? Сильно сомневаюсь, что хоть когда-то это кукольное создание имело интеллект.

– Твоя старушка уже подалась на пенсию? Я бы на твоём месте поспособствовал – вон, какие кадры на замену подросли! – Семён Семёныч по-отечески хлопал меня по плечу, гордо намекая на своё ослепляющее чадо (я бы сказал – чудо), – Ладно, ладно, потом поговорим.

– *Знаем мы, чего стоит вот это твоё отеческое панибратство, дорогой Семён Семёныч.* – я раскланялся со стариканом (Ещё и руку этой дуре пришлось целовать.) и с тоской оглядел банкетный зал.

Какая же это всё бодяга. Но, куда деваться – деловые вопросы легче всего нынче решаются именно в такой обстановке. Конечно, что-то глобальное так за стопкой сразу в дамки не продвинуть, но забросить удочку и застолбить деловую встречу – легко. Да и рутины накопилось достаточно. Что вот теперь только с блистательной бухгалтершей делать? Старый клещ ведь как вцепится – не отстанет. И не пригласить нельзя было никак. Я начал заводиться, вспоминая детали короткого разговора.

– Старишка! Ха! Да Елена Константиновна со мной с самого начала. Крым и рым прошла, и не сбежала в трудный момент, как... – я поморщился. Воспоминания о жене давно не были болезненными, но всё равно – радости мало, – "Старишке", как выразился хрыч, столько же, сколько и ему самому, между прочим. Ну где-то около того. Константиновне, конечно, шестьдесят восемь уже стукнуло, но голова у неё – о-го-го. А опыт, а преданность? В общем, это – единственная баба, с которой я добровольно не расстанусь ни за что на свете. Если б не она...

– Добрый вечер, спасибо, спасибо... – гости продолжали прибывать, заполняя зал оживлённым гулом.

А я бы сейчас лучше посидел у камина, слушая потрескивание дров. Да хоть бы и с вон той, в красном, с ней хоть поговорить было бы о чём.

– Ладно, скоро это всё закончится. Приедут мужики – там и оторвёмся душевно. В тесном кругу, на рыбалке. М-м-м... С рыбнадзором уже всё схвачено – ушица "с дымком" и хариус на углях обеспечены. А этого пафоса им и даром не надо.

Но воспоминания настойчиво лезли в голову: о том, как блестяще после школы поступил в КрасГУ (КГУ) на юридический факультет, и как феерично вылетел из него на третьем курсе.

– А неплохо я тогда навалял прыщавому мажорику. – подавил я невольную усмешку .

Хотя в тот момент смешно не было совсем. Важный папашка зарвавшегося гадёныша блажил на весь университет и требовал, чтобы подонок (это он обо мне) непременно понёс уголовное наказание. А девчонка, которую пришлось отбивать от его сыночка-мудака, сперва, вроде, даже заявление написала. А потом дала задний ход. Вот и весь хрен до копейки.

Так что пришлось моему отцу практически спасти непутёвого сына, быстро запихнув меня в армию, пока мажорский папенька утрясал вопрос с девицей. Это ещё подфартило, что набор был в самом разгаре, а Матвей Петрович – его старинный друган и сосед по гаражу, в котором мы все вместе шаманили свою старенькую тачку (оттуда и любовь к механике всех видов), помог по старым связям определить меня в хорошую часть.

Восемь месяцев ВДВ, а потом по приказу Брежнева наши вошли в Афганистан. И я пошёл. Отец так воспитал. Пять месяцев учебки, и мы с сослуживцами попали в 56-ую гвардейскую ОДШБРБ, что находилась тогда в Гардезе.

Эх, будет что вспомнить с Коляном, Клинком (вообще он Клиненко Стёпка) и пузаном-Холерой. Вот кого я жду по-настоящему. В любое время. Но встречаться получается не часто.

И помянуть кого тоже будет...

Кстати, Холера – это на самом деле Валера Мишустин, а прозвище он получил за умение с невероятной точ-

ностью метать холодное оружие. Краси-иво кличку заработал...

"Ну, холера!" – как-то раз, хлопнув себя по коленям, усмехнулся ротный, восхищённо наблюдая, как Валерка безошибочно мечет всё, что способно воткнуться в дерево – включая вилки. Да... меткость попадания у него всегда была фантастическая. Так и привязалось.

Вообще, мы все "могём кой-чо", как говорил покойный сержант Ильенко... Земля ему пухом, хороший мужик был... И боевым самбо владеем, и техникой рукопашки, метанием ножей, сапёрных лопаток и тому подобного – в том числе. Но Валерка, конечно – феномен.

– *Наверняка опять надерёмся и начнём ножички метать.* – я почти вслух расхохотался, вспоминая последнюю встречу, – *Ну, поди, не облажаюсь перед мужиками – не зря же два раза в неделю, как закон – на тренировках.*

– Дорогой Александр Владимирович, мы вас все заждались. Ну пойдёмте уже к столу. – подхватила меня под руку Софья Пална – жеманная, до оскомины любопытная тётка. И тут же, подтверждая свою репутацию самой осведомлённой особы в "обществе", надела на меня с вопросами, – А где же Серёжа? Почему мы не видим гордость отца на его юбилее?

– Сергей? Сын сейчас за границей по вопросам расширения бизнеса. Вы, дорогая, как всегда, запредельно внимательны. – пришлось идти на своё коронное место – пора бы-

ло начинать официальную часть.

А Серёжка сейчас и в самом деле был за границей. Только не по вопросам бизнеса, а в кои-то веки вырвался с семьёй отдохнуть, чему я был только рад. Поэтому, когда он с виноватым видом сообщил, что стоит перед выбором – везти семью или оставаться на юбилей – я категорически послал его на отдых.

Всё это – условности. Подобные мероприятия мой сын "любит" ровно так же, как и я. Приедет – посидим ещё. А вообще, Софья Пална правильно сказала – Серёга – моя гордость. Мой характер, мой! И котелок варит, и руки растут не из... ну, понятно. Но главное, ему с Маришкой повезло... Мне кажется, мать он так до конца и не простил за то, что она тогда свинтила к этому своему Евгеньеву.

Бизнес захромал, всё шло наперекосяк – так она и дунула в спокойную сытую жизнь.

Долго отходил. Вот тогда Константиновна и проявила себя – тащила меня из запоев, заставляла встряхиваться и думать, как выкручиваться из кредитов. Теперь смеётся, мол, боялась без работы остаться, если я вконец разорюсь. Ага, с её-то головой... Мировая тётка.

А потом всё потихоньку пошло в гору. И начались бабы – бабы – бабы. Ох, и нагулялся я в те годы – до изжоги. Чего искал? Всё у всех одинаковой конструкции. Так что зря "золотая рыбка" старается. Таким путём – на "голом" энтузиазме – меня давно не взять. Только как теперь от них с серым

кардиналом отбиться? Вопрос.

4

Вечер катился по стандартно-заезженным рельсам. Тосты – речи – выступления приглашённых артистов – снова тосты, и так по кругу.

И вот, торжество перешло в ту стадию, когда, расслабленные алкоголем и едой, гости начали расплзаться на отдельные кучки по интересам.

Семён Семёныч тоже не терялся – на другое нечего было даже надеяться. Только я собрался пообщаться с таможенником, как старый клещ подхватил меня под локоть и потащил на веранду, якобы подышать кислородом.

– Ну понятно, сейчас начнёт мозги полоскать. – содрогаясь от перспективы предстоящего разговора с выкручиванием рук, скрипнул зубами я.

Аргументов, которые показались бы объективными и достаточными этому хорошо пожившему крокодилу, я так и не нашёл, и потому – злился.

– Бред. Почему я должен ставить под удар свой бизнес в угоду его интересам?

Однако, сердечно улыбавшийся мне сейчас Семён Семёнович обладал реальной возможностью обеспечить мне персональный маленький ад – Хиросиму местечкового формата. Тогда вообще хана – дыхнуть нечем будет. И мы оба это отлично понимали.

Угораздило же попасть к нему в должники. Не финансово, конечно. Память у старика – феноменальная. Ведь сколько лет прошло, а не забыл. Иногда я всерьёз начинаю думать, что у него реально где-нибудь в сейфе заныкана подробная, доскональная картотека бережно хранимых человеческих косяков, которые он помог исправить. Каждый грешок почти всех, присутствующих здесь, учитывается и в нужный момент вынимается, как туз из рукава, чтобы надавить и получить желаемое.

Потому и Серый кардинал. Потому и держится до сих пор на своей должности, а уйдёт с неё только вперёд ногами, и никак иначе.

Дождался, значит, когда я подрасту до серьёзного уровня и нашёл способ взять плату за давнюю услугу. И как теперь с ним торговаться? А против буром не попрёшь. Тихо и аккуратно разотрёт в пыль всё, что строилось годами. Чтобы другим неповадно было. Он это уже всем доказал. И не раз. А потому, что начнись – никто не поможет. Дураков нет, впрягаться против Сарковского.

– Лихие девяностые прошли, говорите? Ну конечно. Единственное, что поменялось – это методы... Как его только до сих пор никто не грохнул...

Семён Семёныч что-то почти ласково выговаривал, шаркая рядом. Я его пока практически не слушал – к "трапезе" этот удав приступит в более приватной обстановке.

– Объясните мне кто-нибудь, какого чёрта он вообще

свою дурочку на работу суёт?! У него бабок – на восемь жизней хватит. Запихнул бы куда в тёплые дали, как нормальный подпольный олигарх – на песке греться, да мартишки хлебать, так нет же...

– Стаж работы нужен? Или натурально – опыт? Решил, пусть на мне шишки набивает? Да зачем? Собирается во власть дочурку двигать, а потом рулить через неё? Дак и так власти ж – до пятой точки! Или что, власти много не бывает?

И тут из этого сумбура мыслей начала вырисовываться одна смутная догадка.

– Так. То есть ему до зарезу нужно, чтобы эта золотая курица не начала косячить с порога там, куда он в своих планах её уже определил. Поэтому, для начала Барби нужно запихать на приличную должность в солидную компанию – набираться опыта и получить своего рода щит на будущее – мол, вот – девочка не хухры-мухры.

Галстук неприятно-назойливо давил на горло, и я, наконец, раздражённым движением ослабил его.

– Да на что он вообще рассчитывает?! Это нереально по определению. Ибо у бестолочи мозгов – с горошину. Нет, я не спорю, фееричная Псаки тоже каким-то мистическим образом выбилась в советники, официальные представители госдепа Америки и кем там она ещё была. Но мы-то не в Америке. Хотя, о чем я говорю, вон одна эта, двадцатилетняя генеральша, как её... Марковская – смеху бы-

ло, а впору поплакать. Или чего стоят ребяташки высокопоставленных, увешанные орденами за заслуги перед отечеством.

Голова была на грани взрыва. Предполагать можно что угодно, но заранее разгадать истинные замыслы Сарковского не умел никто.

Семён Семёныч затащил меня в угол веранды, где было пореже народу, и приступил к препарации. ...

– Как выражается моя бабуля, "чистить окна" и "украшать витрины" – нужно умеючи. Тут опыт необходим. – включился в дебаты я.

– Как окна чистить? – пискнула кандидатка на должность Константиновны, – Какие витрины? Папа! Ты же не в клининговую компанию пытаешься меня засунуть?

– Иди потанцуй, детка. – Сарковский технично сплавил дочь, чтобы не путалась под ногами и не рушила тупыми репликами атмосферу его всевластия.

– Полупроводник. – негромко раздалось откуда-то слева – за пустым столиком одиноко сидела спутница снабженца.

– Как же её зовут... – забыл. Татьяна? Марина? Ведь представляли... А молодец, дамочка, разбирается. – отметил я, с некоторым мстительным удовольствием наблюдая, как раздражается постоянным помехам мой собеседник.

Конечно, он не понял буквального смысла этой ремарки, но пронизательному человеку этого и не требуется. А Сарковский – безусловно пронизателен. О-очень прониза-

телен. И то, что сказанное с ровной интонацией слово является стрелой сарказма – моментально уловил, что называется, шкурой, которая тут же встала дыбом.

Не знаю, как бы события развивались дальше, но в этот момент на ухоженной площадке под нами послышалась возня и грязная ругань. Стало уже достаточно темно, и разглядеть что-либо отчётливо было трудно. Ориентируясь на звук, все, находящиеся на веранде, один за другим потянулись к перилам.

– Сарковский! С-скотина... – тяжело, хрипло дыша и едва выговаривая слова, видимо, по причине невменяемости от убойной дозы "принятой на грудь", в тени, сторбившись, качалась фигура человека. Мужчина. – С-сарковский, падаль, я знаю, что ты з-здесь. Иди сюда.

Внутри ресторана грохотала музыка, поэтому, вряд ли там было слышно ночного пришельца. А вот на самой веранде поднимался ропот. Кто-то первый сказал о том, чтобы позвали охрану, но решительных действий не предпринималось. То ли от того, что Серый кардинал всем стоял костью в горле, и присутствующие желали досадить ему, продлевая неловкую сцену, то ли из любопытства – надеясь поглазеть на продолжение шоу.

Я всё-таки отправил пару мужчин поискать представителей службы безопасности заведения.

Вместо того, чтобы уйти и прекратить это пошлое представление, Семёна Семёновича потянуло продемонстриро-

вать своё превосходство и вступить в диалог. Если этот бред можно было так назвать.

– И кто это у нас там такой... храбрый? – вглядываясь в темноту, угрожающе-ласково спросил он, – А-а, Захаров.

– *Захаров.* – в памяти всплыла информация об этой фамилии. Один из тех, кого кардинал назидательно наказал за строптивость, – *Вот идиот, он же тебя в порошок сотрёт, последнее отберёт. Хотя, у мужика, по слухам, отбирать уже нечего.*

– Ты, чтоль? – продолжал глумиться Сарковский, – Ну выходи, выходи, чего там прячешься?

– От тебя, гнида, что ли? – всё больше свирепел незванный гость, – Я тебя ненавижу. Ненавижу! И все ненавидят! Трусы! Жируете тут, водку жрёте с золотых тарелок... Все – суки трусливые!

Ропот на веранде стал громче – конечно, теперь поток грязи лился на всех.

– *Где охрана?! Заснули они там что ли?! Как этот человек вообще попал на территорию?! Так, пора заканчивать.* – решил я и уже почти развернулся, чтобы идти самому усмирять бунтаря, но он как раз вывалился в пятно света от одного из фонарей, освещавших площадку, поднимая болтающийся на ремне узкий вытянутый предмет. Хватило мгновения, чтобы вычислить в его руке... Что?! "Ксюха"?!*

– Автомат! – заорал я, надрывая связки и толкая первого попавшегося из стоявших рядом людей вниз, – На пол все!!!

До судорог, до зубовного скрежета знакомо лязгнул затвор, и время замедлилось, возвращая меня в прошлое.

– Лежа-а-ать! – откуда-то из ватного пространства доносился мой собственный голос.

Как заведённый, опрокидывая впавших в ступор людей, я видел, клянусь, видел – как летели первые пули, разбивая стёкла, взрывая крошкой камень, раздирая в щепки дерево.

Пьяный стрелял по дуге – в молоко, плохо управляя оружием. Люди, оглохшие от звуков выстрелов и собственного крика, в панике бежали к выходу, загрозив проход и мешая друг другу.

Посреди безумия и хаоса стояла фигура в красном.

Цепочка выстрелов пошла обратно – более уверенно, ровно, и я понял – попадёт.

– *Дурная баба!* – спотыкаясь о сжавшиеся на полу тела, я рванул оттолкнуть с гибельной траектории застывшую столбом гостью, пытаюсь переорать стоявший вокруг визг, – Падай! Пада-ай!!!

Она подняла на меня полные ужаса глаза, когда мои руки коснулись её платья.

Тело дёрнуло острой болью. Один, два... Бок, грудь... Уже понимая, что убит, я смотрел, как следом незнакомку сотрясло туго входящими в плоть пулями.

– *Не успел.* – была последняя мысль.

Хотя, нет, не последняя. За ней, опрокидывая веру в собственную разумность, вслед за уходящим сознанием про-

скользнула ещё одна – о том, что от золотой блондинки отбиваться не придётся.

* **Автомат Калашникова складной укороченный, АКС-74У** – укороченный вариант автомата АКС74, был разработан в конце 1970 – начале 1980-х годов для вооружения экипажей боевых машин, авиатехники, расчётов орудий, а также десантников. Разговорное название – «Ксюха».

Тасмин*.

Медленными волнами наплывало сознание. Как прибор: придёт – уйдёт – придёт – уйдёт... С каждым разом всё ближе подкрадываясь к реальности. Наконец, удалось зацепиться за смутное световое пятно. Ясное зрение возвращаться не спешило. Вокруг словно ещё плескалось море... вода...

– *Как же я хочу пить.* – достучался до разума организм, и я попыталась сфокусироваться.

Световое пятно оказалось корявой оплавленной свечкой, стоявшей на выдавшем виды примитивном столе – как будто его топором мастерили.

– Твою дивизию, что за хрень?! – сама удивляясь этому экспрессивному подбору выражений, ошарашенно брякнула я, тут же испугавшись чахоточного карканья, которое издало моё горло.

В тот же момент справа стремительно надвинулась тень.

– Что ты сказала? – прозвучал над ухом незнакомый мужской голос.

– А-а-а! Ты кто, придурок?! – раздирая клейстер вязкой слюны в пересохшем рту, просипела я и вяло дёрнулась, пытаясь подобраться на подушке и занять вертикальное положение – безуспешно.

Тело не слушалось – накатили слабость, боль и тошнота,

едва не уронив сознание обратно на дно небытия.

– Лежи, не дёргайся – тебе нельзя. Повтори, что ты сказала. – напряжённо задал вопрос тот же голос.

От провала в бессознание удерживал страх понимания собственной беспомощности и наличие какого-то левого мужика у моей кровати. Хотя, кровать – тоже явно левая.

– *Что я, свой ортопедический матрас с анатомической поддержкой позвоночника не узнаю?* – не совсем вовремя внимание зависло на совершенно второстепенной детали.

То, что это не больница, было понятно сразу. (Ага, кривая свечка и мужик на соседней койке, что ли? Явно же не доктор – пульс не щупает, количество пальцев считать не заставляет.) А где я ещё могла находиться в таком разобранном виде – страшно подумать.

Мысленно одёрнула себя – сейчас важнее всего было рассмотреть того, кто со мной говорил, понять, насколько он опасен, и что ему от меня вообще нужно.

Обмирая от удушающей паники, сосредоточила взгляд на нём.

Мужчина был молод – годов двадцати двух, жидкого телосложения, но высокий. Из рукавов нелепой широкой рубашки торчат "аристократические", а по-простому – худые запястья. Правая рука перемотана повязкой, грудь под рубашкой, судя по тому, как она топорщится – тоже. Ноги не вижу, но, наверняка, тоже тощие. Какой-то нескладный, что ли – кости, вроде, есть, а мясо категорически в дефиците.

Тёмные волосы, густые брови, серые глаза на осунувшемся поцарапанном лице. И вот эти-то самые глаза совершенно выпадают из всего его побито-субтильного облика. Жёсткие глаза сильного человека. Настороженные и цепкие, однако, явной агрессии в мой адрес в них не было.

И тут я поняла, что он и сам едва держится на ногах. Ибо, не в силах больше нависать надо мной, парень осторожно, неестественно-криво присел на дурацкий чуркообразный табурет, опираясь на здоровую руку.

– Что ты – придурок. – немного осмелев, без задней мысли повторила, как и просили, я.

– За придурка... – потом поговорим. Что ты до этого сказала?

– Воды дай (после "придурка", обращаться к незнакомцу на "вы" казалось как-то нелогично) – язык к нёбу прилипает. Пожалуйста. Есть?

– Есть. – он встал и, заметно хромя, медленно прошёл в угол за кроватью.

Послышался звук переливающейся воды, от которого горло перехватило жадным спазмом. Господи, в тот момент я думала лишь о том, что вообще фиолетово на все трагедии и непонятки мира – лишь бы он скорее дотелепался ко мне со стаканом.

Руки ходили ходуном, поэтому он взялся поить меня сам. А-а-а! Какое блаженство может испытать человек, когда влага начинает размыкать и охлаждать склеенный лютой жаж-

дой рот. Сразу стало легче. Вода, конечно не была "живой", чтобы моментально поднять немочь, которой я сейчас являлась, с койки, но в голове прояснилось, зрение окончательно наладилось, дышать стало значительно свободней, а главное, организм перестал орать о том, что хочет пить, мешая сосредоточиться.

– Ну? – с невесёлой усмешкой вновь спросил он, когда я оторвалась от глиняной миски и кивнула, что достаточно.

Восстановив дыхание и поведив во рту языком, окончательно избавляясь от вязкости, изо всех сил напрягла память – да я что, помню что ли, что ляпнула в тот момент? Отвела от собеседника взгляд, и он упёрся в свечку. И стол.

– Что за хрень, вроде, твою дивизию. – тут же вспомнила я, – Это что, так важно?

– Во-от. Твою дивизию. Фуф! А то я, грешным делом, подумал, что совсем чайник потёк. Как тебя зовут, и что здесь происходит? – тут же напористо спросил он.

– Ты меня спрашиваешь? – от возмущения едва не задохнулась. Нет, ну честное слово, совсем обалдел мужик, – Вообще-то это ты меня сюда притащил. Чего тебе надо, любезный? – скорректировала я первое определение, хотя использовать хотелось именно его.

– Ясно. Никогда не любил блондинок. Блондинка – это диагноз. – самым наглым образом заявил тот,

– Во-первых, я – шатенка. Во вторых, оставь в покое блондинок и отвечай на вопрос.

В ответ собеседник уставился на меня странным взглядом и замолчал.

– Что? – не выдержала я.

– Уверенна в том, что ты – шатенка? – совершенно по-идиотски спросил он. Я аж растерялась.

Молодой человек, вы к тому же ещё и дальтоник?! – я раздражённо-скептически хмыкнула и потянула руку к волосам.

Голова, которая погано гудела и ныла в районе затылка, оказалась обмотана какой-то тряпкой. Нащупав в переплетении волос и ткани прядь, демонстративно потянула ему на обозрение. А она всё тянулась... и тянулась... и тянулась. Пшенично-золотистый спутанный, простите, локон не моих волос.

Более того, рука, которая его держала – тоже была не моя, – тонкая, с короткими ногтями без признаков маникюра, бледно-синюшного оттенка. Мозг отказывался принимать сей факт. Снова дико захотелось забиться в угол.

– Я – Таня. Татьяна Николаевна Морозова. – пытаюсь сбросить наваждение, уже без всяких просьб и вопросов непонятно кому – себе или мужчине – сообщила я, как пионер у доски заученный стишок, – Мне сорок шесть лет, проживаю в городе Красноярске, вчера была на юбилее одного высокомерного буржуя и...

Мужик смотрел на меня так, будто я его сейчас расчленяю без наркоза.

– Меня убили. – сама не веря в то, что произношу, закончила я, – Вроде. Или ранили?

– Убили. – твёрдо сказал он.

– Тебе-то откуда знать? – разозлилась я, – Живая ведь.

– Знаю. Потому, что "важный буржуй" – это я. И меня тоже убили. Из-за одной дурной бабы. Не догадываешься, о ком это?

– Высокомерный... – автоматически поправила я, пытаюсь втиснуть в мозг то, что он сейчас сказал.

Голову нестерпимо сдавило спазмом.

– Так, подожди, подожди... Ты – ?..

– Саша. Александр Владимирович Соколов.

– И ты...

– Да. Мне пятьдесят пять, я успешный и богатый человек.

В здоровом уме и трезвом рассудке. Теперь я в этом абсолютно уверен – парами с ума не сходят. Хотя, честно сказать, не уверен, что это лучше сейчас, чем безумие. Тогда имелось бы хоть какое-то рациональное объяснение.

– Чему? – как полный дундук, спросила я. Внимание совершенно расфокусировалось и гонялась за отдельными разбегающимися паззлами информации, пытаюсь согнать всё в одну картинку.

– Таня! Очнись! – он приблизился и демонстративно поводил ладонью перед моим лицом, – Мы в фантастической ж...

Нужно было собраться, встряхнуться, прийти в себя – я

вновь попыталась сесть, ибо серый мрачный потолок в данный момент издевательски закачался надо мной. Стало только хуже.

– Лежи, говорю, у тебя сотрясение.

Я даже спорить не стала. Обмякла и прислушалась к ощущениям – тупо ныло всё тело. Не моё. В смысле, сама боль – тупая, приглушённая, пока не тронешь какое-то отдельное место. Чуть острее горела левая рука.

Лежать было жёстко, к тому же от постели, как бы это по-деликатнее выразиться, дурно пахло. Разило, короче самым жестоким непотребным образом. Да и, кажется, не только от постели.

– *Не о том думаешь, Таня-а-а. Всё потом.* – психанула сама на себя, – *Что здесь вообще за чертовщина творится?*

– Ну, какие будут версии? – спросил компаньон по несчастью.

– Подожди. Опиши мне меня.

* Тасмин Реми. В девичестве – Гроу – новое имя главной героини.

6

Не выражая удивления от вопроса, Александр доковылял до стола, взял свечу и снова приблизился ко мне. Беспардонно скинул одеяло, которым я была укрыта и взялся изучать "объект" – иначе не скажешь. Рационально и без эмоций – как хирург пациента на операционном столе. Как ещё длиннополюю рубаху из такого же невзрачного полотна, как и у него, не задрал.

– Ну что... худая блондинка среднего роста, повреждена голова, рана на ноге – не серьёзная. Переломов не вижу. Из выдающегося – сиськи.

– Вообще-то, я имела ввиду лицо. – пыхнув негодованием, потянула одеяло обратно на себя. – *Нет, ну точно – придурак. Я это ещё на юбилее поняла.*

– Лицо – нормальное. – ну очень содержательно, на редкость ёмко сообщил он и замолчал, взглядываясь в предмет изучения, и неожиданно добавил, – Глаза красивые – сине.

– Спасибо. Достаточно. – сказала я, понимая, что выжимать из него более подробную информацию – дело безнадёжное.

– Стоп. Руку покажи. – внезапно попросил он, – Не эту... Левую.

Внутреннюю сторону предплечья, пониже запястья реза-

нуло острой болью, когда он, отдёргивая рукав, задел тканью свежую рану от...

– Чего?! Татуировка?!?! – округлила глаза я.

Вот уж чего не сделала бы ни за что на свете – я этих иголок до смерти боюсь. А тут, начиная почти от кисти, тянулась цепочка надписей – явно давних, кроме последней, распухшей и саднившей.

– У меня такая же – задрал рукав, Александр продемонстрировал похожий ряд надписей. И последняя тоже была совсем свежей, незажившей.

– И что это означает? – риторически спросила я, понимая, что у него ровно столько же ответов, как и в моём арсенале, – Кстати, чего ты так уцепился за мою первую фразу? – этот вопрос с самого начала крутился в голове.

– Да слово нормальное услышал. Ну, в смысле, наше – современное. А то тётка эта чуднАя какую-то ерунду лопотала на непонятном наречии. Вроде понимаю её, а язык не наш. И не английский – мягче что ли. А других я не знаю.

– Стоп. – теперь уже притормозила его я, – Какая тётка?

– А, ну да. – сообразил он, что мы об этом ещё не говорили, – Я когда очнулся, в доме была тётка средних лет. Странная – в идиотском чепчике и музейном платье батрачки-крестьянки. Так вот она давай причитать, мол, "слава богу очухались, сайрон Алекс, всевышний смилостивится – и сайрина Тасмин к нам вернётся", а сейчас ей бежать нужно, а то и так тут два дня торчит, а дома – дети. Обещала завтра с

утра вернуться.

Я шумно выдохнула, осваивая новую порцию шока.

– Честно сказать, сперва решил, что в дурку попал. А что ещё думать? Не на съёмки же допотопного сериала? Короче, одна версия нелепее другой. Разговаривать с ней не стал, от греха – покивал молча и спровадил. Что делать будем?

– Не знаю. Дай спокойно подумать. Надо понять, куда мы попали, почему мы – не мы, и что всё это вообще значит.

– Лично я даже натянуто-допустимые варианты исчерпал. Недопустимые – тоже. Всякого повидал, но "сие науке и разуму моему не известно". – надо же, он ещё и шутить пытался, – Ладно, двигайся – устал я топтаться, надо полежать.

– Чего? – не поняла я.

– Двигайся, говорю.

– Зачем? А что?... А здесь... На свою кровать иди, сдурел что ли? Ещё я с незнакомыми мужиками в койке не валялась.

– Нет здесь других коек. Не-ту. Так что, двигайте своё ху-досочное тело и не выдрёпывайтесь, дорогая – я уже с ног валюсь.

– Может на пол... – попыталась вяло возразить я, тем не менее осторожно перемещаясь к краю, – постелить.

И осеклась, увидев этот ... О-о! этот взгляд сообщил мне многое из того, что он в данный момент обо мне подумал. Можно было и поскромнее.

– Куда ты ползёшь? – раздражённо забухтел Александр.

– Двигаюсь, сам сказал! – возмутилась я.

– К стенке давай. Из нас двоих – ходячий пока только я, что ж теперь – через тебя лазить?

Пришлось подчиниться.

Минут пять мы возились, чтобы хоть как-то более-менее приемлемо угнездиться на не слишком широком ложе – ну, наверное, как наша полуторка. К прочим неудобствам, ещё и одеяло оказалось – одно.

Сосед по койке тихо медленно выдохнул и прикрыл глаза – видать и вправду нехорошо было.

– Что у тебя болит? – участливо спросила я.

– Глубокая ссадина на ноге, повреждена рука и рёбра. Но не перелом – скорее трещина. Ничего критичного. Ну и так, по мелочам – ссадины, царапины, ушибы, – неохотно отозвался он – видимо, ему хотелось помолчать.

Так и чесалось спросить, откуда он так хорошо разбирается в ранах, но не стала. Будет время. Нужно отдохнуть – пусть набирается сил. Кажется, жизнь обоих сейчас в большой мере зависит от него.

Осторожно вздохнув, чтобы не тревожить попутчика (отчего-то именно это слово само легло на язык), принялась изучать обстановку.

Превалирующий цвет – унылый серый: каменные стены, потолок, тряпки. В комнате довольно тепло и слышен звук потрескивающего при горении дерева. Значит точно есть или камин, или печь – но где-то вне поля зрения. Ну, стол с табуреткой я уже видела, вон, кстати, кажется вто-

рая такая же в углу возле деревянной гробины, вроде короба.

Подушка под головой маленькая и "ухабистая", одеяло шерстяное, старое, и этот запах... Нервы немного успокоились после первого шока – утешало и то, что я здесь, всё-таки, не одна. Но амбре, густым облаком висевшее вокруг нас уже просто бесило.

– Слушай, – не выдержала я, – эта вонь... Невозможно.

– Да я сам уже задыхаюсь. – отозвался Саша.

– Может чего поискать, да перестелить?

– Сейчас. Ещё минут пять полежу и встану – пороюсь. – не открывая глаз, ответил он.

Пяти минут он не выдержал. Откинул свою половину одеяла и, подавляя крик, тяжело поднялся с кровати.

– Так, где здесь что? – он встал посреди комнаты, вода по сторонам взглядом.

– Попробуй вон тот сундук. – посоветовала я, – Да, в углу.

Саша, прихватив наш жалкий источник света, пошёл в указанном направлении.

Внутри и в самом деле, судя по его комментариям, лежало тряпье.

– Слушай, тут всё какое-то сырое. Может ещё где поискать?

– Это вряд ли. Судя по обстановке, шёлковых простыней явно не перепадёт. Давай, что есть. Хотя бы вонять не будет.

Он притащил ворох не вызывающих доверия тряпок и

бросил на табурет.

– Пойду, всё-таки, в других комнатах посмотрю. – направляясь к двери, сообщил он.

– А сколько их тут?

– Сейчас узнаем.

А я лежала и думала о том, что одна смена белья вопроса не решит. По крайней мере кардинально. Требовалось помыться, но говорить об этом постороннему мужику – было неловко.

Спустя минут пятнадцать, сосед по общежитию вернулся с какой-то плашкой в руке.

– Слушай, я еду нашёл – живём! – оптимистично заявил он, – Только сперва помыться нужно. Белья, кстати, другого нет...

Он поставил глиняную миску на стол и замер, снова внимательно осматривая помещение.

– Сейчас пойду, принесу воды. И дров бы добавить, а то околеем за ночь. – продолжая что-то выискивать глазами, закончил мысль.

– А здесь чего ищешь?

– Одежду. Там, вообще-то, зима. – как нечто само собой разумеющееся, приподняв брови, сообщил "добытчик".

Как будто я могла об этом знать, блин.

– Ну-у, в прихожей, наверное... Или что там есть? – подсказала, игнорируя назидательные интонации собеседника. Я понимала, что его раздражение сейчас вызвано не мной,

и злится он, скорее на ситуацию и собственную беспомощность. Тем более, ему явно приходилось терпеливо подавлять боль и усталость, и совсем не просто было таскать сейчас своё-чужое побитое тело, обслуживая нас обоих.

– Есть ещё одна комната и кухня. В прихожей, как ты выразилась – верхняя одежда. Но хотелось бы какие-никакие портки понадёжнее, а то в спальном белье по сугробам скакать, знаешь ли, тот ещё "айс". Для мужского здоровья – ни хрена не полезно.

– Логично. – вынуждена была признать я.

Штаны нашлись в самом углу у печки. (Всё-таки, это была она.) Там же валялось "моё" платье. Кстати, на фоне всего виденного до сей поры – даже приличное. Только грязное и драное.

– Слушай, а пижамки свежей в сундуке не было? – запоздало спросила я.

– Всё на стуле. – односложно ответил Александр, натягивая штаны прямо поверх этих "жидких", что на нём были, и пошёл на выход.

О причинах нашего, мягко скажем, странного, сложного и непонятного положения оба пока больше сознательно не говорили – нам было страшно.

Не было его довольно долго. За пределами помещения что-то гремело, было слышно, как матерится этот самый Саша, о стенку топки ударились дрова. Печь была одна на две комнаты. То есть, закрытой частью – сюда, а топкой – в кухню. Странная конструкция.

Оставшись одна, я лежала и тихо шалела от нереальности и дикости происходящего. Ещё раз посмотрела на свои руки, подавляя морось паники, медленно поднимавшейся к горлу.

– *Скорей бы вернулся, что ли,* – поёжилась я, – *с ним хоть не так страшно.*

Наконец, тяжело дыша и обливаясь потом, он появился в комнате, надсадно волоча баклаху с водой.

– Ты чего там ругался? – спросила я, – Что-то пошло не так?

– Да нет. Просто...

– Что?

– Какого чёрта?! Где моё тело?! Откуда вот эта дохлятина взялась? – он присел на стул, переводя дух, – Ты глянь – он задрал штанину, – как на таких тощих костылях вообще ходить можно? Чуть поработал – все конечности трясутся.

– Не забывай, что ты травмирован. Не стоит много от себя требовать. – я просто не знала, что ещё сказать. Что мы со всем разберёмся и вернём свои, простите, как-то странно это

произносить, тела? Так нет ни малейшей в том уверенности, как нет и объяснений. Крутится что-то в голове, а уловить никак не могу.

– Ладно, проехали. – буркнул он. Снова молча психанул и, фыркая, пошёл обратно на кухню.

– Ты куда? – успела спросить я.

– За кипятком. – ворчливо донеслось оттуда.

– Так. Тряпки. – вернувшись с горячей водой, он снова озадаченно замер на месте.

– А на кухне? Полотенца?

– На кухне такой сифилис, что то, что подразумевается под полотенцами – в руки взять страшно. Будем рвать простынь. – решительно отрезал он.

Я прекратила пререкания. Тем более, что приближался момент, когда надо будет и в самом деле мыться. А я вообще никак не могла представить, как смогу это сделать.

– Давай, сначала тебя. – Александр уже развёл воду и приготовил ветошь.

– Я сейчас. Я попробую. – начала пытаться подняться, борясь с головокружением и тошнотой.

– Лежи давай – я помою.

– Как? Нет. – возразила я, совершенно растерявшись, – Нет, погоди... Надо что-то придумать.

В этот момент просто не знала, как быть. Чужой человек, к тому же мужчина будет сейчас шоркать меня тряпкой? Уверенна, ему эта процедура не доставит ни малейшего удо-

вольствия – много радости мыть постороннюю лежащую тётку. Да и самому уже, наверняка, шевелиться тяжело – вон сколько дел переделал. Да и вообще... А мне каково!... Короче, не знаю, как объяснить. Мысли и чувства кипятком обжигали сознание. Стыдно было – до слёз.

– Успокойся. – совсем с другой интонацией – без раздражения и ненужного сочувствия сказал он, – Так случилось. Это просто надо сделать.

– Фу-ух. – выдохнула сдерживаемые слёзы я.

– Не переживай. – он посмотрел в мои глаза своими серыми, полным понимания.

И я всё-таки заплакала. От беспомощности, от злости и... от благодарности.

– Так, всё. – ободряюще-деловитым тоном начал он, – Давай, что сможешь – сама, я отвернусь, остальное – я. Только тряпки ты всё равно полоскать не сможешь. И снять эти обмотки древней мумии – тоже. Вот так, давай полулёжа. – Саша сгондобил под спину небольшую горку и устроил меня на ней.

– Стой, – осенило меня, – сперва развесь смену белья у печки – хоть немного просохнет.

Он цокнул языком и с улыбкой уставился в мою сторону.

– И чего ты раньше молчала? Уже бы давно всё согрелось и просохло. – он поднял тряпки и взялся трясти их, пристраивая у печки, попутно излагая свои мысли, – Тебе голову хорошо стрясло. Я помню, было дело, – лёжа, вроде, ещё ниче-

го, а стоя, и даже сидя – совсем туба.

Эта помывка стоила мне пары лет жизни – ей богу. Саша и в самом деле старался не смущать меня, как мог, спокойно промывая за мной использованные "полотенца".

Наконец, до чего могла добраться, было отёрто. Не идеально, конечно, но терпимо. Приподняв и поддерживая под спину, Александр натёр её и помог натянуть успевшую немного проветриться, относительно свежую сорочку, выдернув из под меня изрядно промокшую во время водных процедур старую простынь.

– Так, ноги сюда давай. А то, уж прости за прямоту, такое впечатление, что ты босиком по огороду полдня шастала. – деловито заявил он и взялся тщательно и методично оттирать мои пятки и каждый палец в отдельности, особо упирая на ногти.

Я обессиленно валялась безропотным поленом, уже почти совсем перестав переживать. Тем более, что ноги – это уже ладно. Опять же, до своих ступней я бы не дотянулась даже ради спасения души.

– О-ох! – тихо хохотнул он, – Ничего, ничего-о... Меня когда сестрички в госпитале мыли – тоже думал... Да ладно.

– В госпитале? – переспросила я и непроизвольно дёрнула ногой, – Ай, щекотно!

– Так, ты давай не дрыгайся, у меня тут ребро всё-таки... В госпитале. – покрепче перехватывая отмываемую конечность, ответил он, – Было дело.

– Ты что, воевал?

– Довелось. – односложно хмыкнул он.

– А я всё думаю, откуда ты в ранах так чётко разбираешься.

– А то! Глянь, какой шрам. – он привстал, задирая рубаху, и осёкся.

Оба во всей этой возне снова успели забыть, что вместо своего родного тела – под рубашкой какой-то незнакомый дрыщ. Замолчали, посмотрев друг другу в глаза.

– Я свежей воды принесу – надо царапину на бедре промыть – нехорошая. – первым заговорил он, – да и лицо у тебя... как у беспризорника. – его губы тронула едва уловимая улыбка.

Я была ему благодарна – сам не позволял себе раскиснуть, и мне не давал.

– Вроде же мыла.

– Скорее живописно размазала.

Оторвав новый кусок от таявшей на глазах простыни (хорошо, хоть, не единственной), задрал мне подол и взялся аккуратно обтирать вокруг означенной царапины. Я тихонько шипела ругательства, но старалась не дёргаться, придерживая ползущий всё выше край сорочки.

– Продезинфицировать бы чем. – бормотал он, – Да не тушуйся уже...

И вдруг ни с того, ни с сего расхохотался.

– Что?

– Вспомнил. Тётка эта столько всякой мути наговорила... В общем, исходя из её слов, мы с тобой муж и жена, так что имею полное право лезть к тебе под подол. – веселился он.

– Чего?! – выпучила я глаза, – Ну-ну, смешно.

– Ага! Но самое смешное даже не в этом.

– ?

– Если коротко, то мы с тобой поженились, жили счастливо и умерли в один день. В смысле, прям всё это – в один день.

– Какая любопытная подробность. – поддержала его настроение я, – И как ты это понял?

– Ну а как ещё понимать вот это: "Надо же, какое несчастье, только поженились, так на пути из храма и угробились. А какая пара, какая пара – чисто голуби." Ну и дальше про "счастье, что всё образумилось" и что-то там ещё про хвалу всевышнему – я не вслушивался.

Тут меня прямо тряхонула догадка.

– Мне кажется, я поняла, что происходит. – замерев в оценении, тихо сказала я. Кусочки информации стремительно складывались в целостную версию.

– Да ладно. – он остановился, повернувшись всем корпусом.

– Боюсь, ты не согласишься.

– Излагай. Нам сейчас любые варианты – на вес золота.

– Мы с тобой – попаданцы. – осторожно выговорила я.

– Кто? – Саша наморщил лоб.

– Ну попаданцы – как в книжках.

– Пф-ф-ф! – снова расхохотался он, прикрыв глаза и запрокинув назад голову.

– Чего ты ржёшь, как конь гортоповский! – разозлилась я, – У тебя есть какие-то свои приемлемые версии?

– И чего там у тебя в книжках про этих, как их...?

– Попаданцев. Ну, люди, погибая, переносятся в иное время в тела внезапно умерших людей – не знаю, по каким законам. Что-то типа сбоя в изолированности параллельных времён, миров... Ты что, фэнтези не читаешь?

– Даже удивительно, правда? Более того, я ещё и в игры компьютерные не играю. Не поверишь, некогда. Несколько иные задачи до сегодняшнего дня занимали моё время. Бред это.

Я, поджав губы, пыхтела на него молча. Нет, с одной стороны, можно понять – откуда ему знать такие детали, но с другой, с чего бы столько категоричности?! Раз сам не можешь найти ответа, так хоть послушай, что тебе предлагают.

– Ладно уже, сказочница, давай вторую ногу.

– Слушай сюда. – я протянула ему, что просили, – Мы там погибли? Погибли. Между прочим, в этом именно ты меня убедил. Это – раз. Мы здесь не в сво... не являемся собой? Не являемся – это два. Эти вот местные умерли в один день? Да! Это – три. Кроме того, раскрой глаза – всё вокруг кричит о том, что мы не в своём времени!

Мой "банщик", нахмурив брови, недоверчиво смотрел

на меня.

– Да что ж ты такой упёртый! Моя версия, по крайней мере, логична!

– Да не кричи уже. – я и не заметила, как в самом деле завелась и говорила на повышенной ноте, – Вся деревня услышит.

– А там что, деревня? – сбавила обороты я.

– Да.

– Во-от! – убеждённо громким шёпотом протянула я, – Всё подтверждается!

– Думать надо. – он отвернулся и вновь принялся за мои пятки.

Мне кажется, я сдвинула его упрямое отрицание с мёртвой точки.

8

Закончив со мной, мой спутник привалился где-то у печки, отдыхая, пока грелась следующая порция воды.

– И что там у твоих попаданцев по сценарию дальше обычно происходит? – хмыкнув, спросил он.

– Дальше? По-разному. Жизнь.

– Не верится, что об этом спрашиваю, но... А как насчёт...

– Чего? Обратно, домой?

– Ну да.

– Маловероятно. Если бы мы навернулись сюда под воздействием какого-то артефакта – тогда можно было бы...

– Уй-юй-ю-у-уй! – взвыл мой собеседник из своего угла.

– Послушай. Мне самой невероятно дико всё это говорить. Но боюсь, что других вариантов нет. Просто нет. – я, если честно, тоже уже чертовски устала держать нервы в узде и почти готова была сорваться.

Кажется, он это почувствовал и предпочёл оставить своё мнение при себе.

– Или, например, мы там у себя впали бы в кому... Но ты утверждаешь, что мы самым натуральным образом погибли – то есть возвращаться некуда. – я устало всё-таки закончила мысль, – Или нет?

– Мертвее не бывает. – не оставляя надежды, честно от-

ветил он. – Уж в этом я разбираюсь.

– Значит придётся смириться и прожить новую жизнь здесь. И радуйся ещё, что не угодил в тело какой-нибудь полоумной бабули, например, или одноногого карлика на паперти, или девушки-наложницы...

– Так, всё. Это уже перебор. На сегодня достаточно информации и потрясений. – мрачно остановил мою неуёмную фантазию он и пошёл за водой для себя.

В этом я с ним была категорически согласна.

Потом, после водных процедур и промывания ран крепким соевым раствором, переодевшись в чистое, принёс к постели чашку с найденной на кухне едой.

– Что это? – приподняла голову я.

– Не уверен, но похоже на толчёнку на воде. – ковыряя ложкой месиво, задумчиво изрёк он, – Ладно. Сперва – лежащие.

– Конечно. Они бесполезные – их не жалко. – уныло пошутила я, с сомнением глядя на приближающуюся ко рту ложку.

– Не бойсь, я пробовал. Не оленина в брусничном соусе, но съедобно. Тем более, что больше всё равно ничего нет.

– Уверен?

– Нет. Но шарить по кладовкам в потёмках не пойду. Ешь. Бывает и хуже.

– Давай сама. – я повернулась на бок, чуть приподнявшись на локте и перехватила у него деревянный прибор .

С аппетитом творились противоречивые вещи – с одной стороны, организму явно требовалась еда, а с другой – на стрессе кусок в горло не лез. Затолкав в себя несколько ложек, передала чашку соседу и устроилась поудобней. Как бы там ни было – жить стало чуточку светлее.

Саша, сидя на краю кровати, с завидным самообладанием трескал пресную мешанину, даже ни разу не поморщившись.

– Слушай, и что, ты вот так работал, работал всё время и никак не отдыхал, что ли? – наблюдая за ним, спросила я. Хотелось получше понять, что за человек находится рядом.

– Ну почему... – засовывая в рот очередную порцию, ответил он, – спортзал, охота, рыбалка и одно маленькое тайное хобби.

– Ну-ка, ну-ка? – заинтересованно подалась вперёд.

– Тайное хобби для того и тайное, чтобы о нём не распространяться. – усмехнулся он.

– Ну и кому, стесняюсь спросить, я здесь проболтаюсь? – резонно спросила я, – Колись давай, не кокетничай. Ну не крючком же ты, в конце концов, ажурные салфеточки вяжешь?

– Почти угадала. – рассмеялся он, – Часы ремонтирую.

– Какие часы?

– Всякие. Раритетные скупаю и чиню – очень, между прочим, нервы успокаивает.

– Кхм. Неожиданно... – призналась я, – И что, получа-

лось?

– Почти всегда. – он со вздохом встал и отнёс пустую чашку на стол, – Всё, давай-ка на боковую.

Я подвинулась на свою половину, уступая место. Саша задул свечку и лёг под одеяло. Почти сразу послышалось характерное сопение. А я всё лежала в темноте и думала. Теперь уже о том, что случилось с нашими предшественниками.

– Саш... – шёпотом спросила я, – Ты спишь?

– А?! – подкинулся он.

Я зажмурилась в темноте, уже жалея о собственной нетерпеливости.

– Что случилось?

– Не пойму, от чего наши эти... ну кто мы сейчас, лапы склеили. Мы же в них живём? И раны на вид не смертельные...

– Бо-оже! – выдохнул сосед, – Ну ты в своём уме? Я уже напугался, что что-то серьёзное.

– Ладно, прости. – свернула вопрос я, чувствуя неловкость за его несвоевременность.

– Спи давай. – шикнул он и повернулся спиной, натянув одеяло повыше к ушам, помолчал и всё-таки ответил, – Я думаю, от антисанитарии и ослабленности – на таких харчах могучего здоровья не заимеешь. Если мы ничего не придумаем – велика вероятность тоже...

– Чего тоже?

– Ноги протянуть. Всё, спим.

Я повернулась к стенке, тихо завидуя его нервной системе. Муж, кстати, был такой же – не знаю, что бы на этом свете могло лишить его сна. Зато я, даже прекрасно понимая, что надо дать нервам и мозгу отдых, а переживаниями ничего не изменить – всё равно буду полночи крутиться в постели и психовать, отгоняя назойливые мысли.

Где-то на этом размышлении и вырубилась.

Утро началось с того, что почувствовала, как меня кто-то аккуратно, но энергично тормозит за плечо.

– Что?! – мучительно разлепляя глаза, дёрнулась я – от неожиданности сердце подпрыгнуло куда-то к горлу, к тому же казалось, что весь мой сон длился не более десяти минут, – Ты..!?

– Ага, ещё спроси, кто я. – скептически съехидничал сосед, – Тань, там эта тётка вернулась. Держи себя в руках и разговаривай аккуратно. Нужно выяснить как можно больше информации, но косвенно.

– А можно я ещё посплю? – мозг категорически отказывался возвращаться в реальность.

– Ладно, спи. Может так и лучше. Сам пока разведую, что да как.

Я была счастлива, что меня оставили в покое и не надо прямо сейчас вставать... ну как вставать... условно – и начинать эти шпионские игры. Совесть попыталась было грызнуть упрёком, но я уже дрыхла без задних ног.

Проснулась в районе обеда от того, что комнату заполнял довольно аппетитный запах еды.

– Ну смотрите, сайрон Алекс – воля ваша, всё сделала, как велели. Но потом не спрашивайте со старой Томасины, куда делись запасы и из чего готовить еду. – донеслось до меня ворчливое причитание незнакомого женского голоса.

– Я сам покормлю сайрин Тасмин. – ответил мой сосед, закрывая дверь в комнату, – Фу-ух. Проснулась? – констатировал он, заметив мой любопытный глаз из под одеяла.

– Это она?

– Она. Ну и разговорчивая у тебя батрачка! – усмехнулся он, – Прямо находка. Подарок какой-то.

– Почему у меня?

– Я так из её болтовни понял. Как ты себя чувствуешь?

– Ещё не поняла. А что ещё удалось узнать?

– Так, сперва обед – потом разговоры.

– Пахнет неплохо.

– О-о! Это я "старую Томасину", кстати, не такую уж и старую – прибедряется, вынудил сварить супчик на вяленом мясе. Слышала, как возмущалась на мою расточительность?

– Там что, действительно всё так плохо? – спросила я, принимая ложку и свою порцию горячей похлёбки коричневого цвета.

В этот раз тарелки было две.

– По правде сказать, в самом деле – не густо. – Саша сел за стол и взялся за свою пайку. – небольшой запас овощей,

муки, вяленого мяса, масла, трав для заваривания чая, два яйца с четырёх кур – это навскидку. В принципе, я понимаю её опасения. Но если мы не будем сейчас хоть приблизительно нормально питаться – на ноги не встанем, и эти запасы вообще не пригодятся.

– И что делать?

– Выздоровливать и решать вопрос. Как – не спрашивай. Сам ещё не знаю. Но это не единственная печальная новость.

– ?

– С дровами тоже – беда. Я так понял, зима идёт на исход, но того, что есть – на то, чтобы продержаться в тепле – не хватит. Похоже, наши предшественники те ещё бестолочи были. Зато дворяне.

По телу растекалось сытое тепло, ярко контрастируя с нарастающей тревогой.

– *Стоп, что он сейчас сказал?* – попыталась вернуть упущенную информацию, – Повтори, кто они?

– Не поверишь, дворяне местного разлива.

– А чего такие нищие?

– Это ты уже сама потом у тётки осторожно выпроси между делом. Доела?

– Да. – я задумчиво смотрела на пустую тарелку, размышляя о нашем незавидном положении.

– Ну всё, не кисни. – видя мою растерянность сказал он, – Я всё ещё надеюсь рано или поздно проснуться из этого сюрра, но до тех пор, пока этого не произошло – будем стараться

ВЫЖИТЬ.

Этот день мы практически весь проспали.

За стеной копошилась Томасина – в сон изредка прорывались отдельные резкие звуки стучающейся посуды и тяжкие причитания. К вечеру она осторожно заглянула в комнату.

Саша, секунду назад храпевший, как пьяный боцман, тут же поднял от подушки голову. Такое впечатление, что спал он крепко, но разными глазами по-очереди. Кивнул ей, что может уходить и через мгновение вырубился снова.

Я ещё какое-то время подремала и открыла глаза, понимая, что больше не усну – очень хотелось есть. Будить соседа не хотелось, поэтому, решила потерпеть.

– *Так. Что у нас в арсенале?* - я взялась мысленно подбивать дебет с кредитом, – *Мы – молодая пара, каким-то образом погибшая по пути из "ЗАГСа".* *Дворяне. Нищие.*

Рот непроизвольно скривила невесёлая усмешка – вспомнилась "Пошехонская старина" Салтыкова-Щедрина.

– *Дворянка, ёжкин хвост, убогий домик и наёмная тётка в количестве одной штуки.*

– *Дом явно запущен.* – я тоскливо оглядела серые стены и имущество, находящееся в комнате, – *М-да. Ладно уж ныть. Хорошо, хоть не рабы на галерах – так что, считай, повезло... Не то, чтобы откровенный свинарник – вещи сва-*

лом по углам не валяются, но всё старое, замызганное... Короче, да, всё-таки свинарник.

– Запасов для жизни – мало... Уй! Волосы бы помыть, пока в них посторонняя живность не завелась. – я осторожно одним пальцем почесала затылок в районе гигантской шишки – кажется, ссадина подавала признаки начала заживления. Хоть бы не насекомые – признак зарождения. – Так. О чём это я? Да. Запасов – мало. Любопытно, а деньги у нас есть? И где они, если всё-таки имеются? О! Даже знаю, как это гладенько выяснить. Завтра пообщаюсь с Томасиной – пора уже и познакомиться.

Вздохнув, посмотрела на сопящего рядом соседа.

– Как долго, интересно, я вот так проваляюсь? Так-то, надо бы включаться – помогать мужику разгробаться. – попыталась осторожно приподняться, проверяя ощущения – получше, чем вчера, но ещё, прямо скажем – не очень. Не очень. Снова глянула на Сашу, – А он... В общем так, верхние силы, не знаю, в какую глубину вы меня засунули, но спасибо за новый шанс. (Правильно молиться я никогда толком не умела, потому думала, как есть.) И за то, что я здесь не одна. Или с каким малохольным придурком, которому пришлось бы сопли подбирать. Этот, местами, конечно, то ещё хамло, но... с ним не пропадёшь, и ещё...

– Что, есть, поди, хочешь? – глухо донёсся сонный комментарий Александра.

– В общем, спасибо! – быстро закончила свою "молитву"

я и вслух уже ответила, – Разбудила?. Если честно, то – да. Очень.

– Всё нормально. Я тоже проголодался. Сейчас организуем. – он заворочался, тяжело поднимаясь.

Было очевидно, что шевелиться ему абсолютно не хочется, но, похоже, мой спутник решительно вычеркнул слово "хочется" из своего лексикона. По крайней мере – пока.

– Слушай, может эту тётку просить, чтобы она за нами поухаживала? – предложила я, – Ну тяжело же тебе – я понимаю.

– Она там и так убирает, готовит и стирает. А к нам я её не подпущу. Если ты забыла – под её чуткой заботой наши предшественники недолго протянули. Так что ничего, потерплю – здоровее будем.

Налопавшись и совершив полный ритуал всех необходимых гигиенических процедур, снова завалились спать.

К утру я в полной мере осознала, что ещё одного дня с немойтой головой категорически не выдержу. Кожа под спутавшимися волосами зудела так, что глаза выскакивали. Мало того, что грязная, так ещё и соль раствора, которым Саша регулярно добросовестно дезинфицировал ссадины, добавляла остроты ощущениям.

На робкие жалобы мой сосед и добрый опекун пригрозил, что, если буду хныкать – вообще разведёт опарышей и примотает к ране – мол, они лучше всякого санитаря вычищают раны. Даже понимая, что это шутка, нервно содрогну-

лась, в красках представив это "аппетитное" зрелище и прижухла со своими претензиями. Однако, твёрдо решила, что упрощу Томасину разобрать и промыть мои кучеря.

Так и сделала.

Как только за стеной послышались звуки теперь уже знакомого голоса, я попросила Сашу позвать её в комнату.

– Как к ней обращаться? – запоздало спохватилась и шёпотом остановила его вопросом уже у самого выхода.

– В смысле? – не понял он.

– Ну ты там – сайрон, я – сайрина – я слышала, а она?

– Просто Томасина.

Я тихо кашлянула, прочищая горло в ожидании первой встречи с живой представительницей этого мира, или эпохи – пока не ясно.

– Хотя... сайрина – не слышала до сих пор такого обращения. А предметы все знакомые, и небо, вроде, не красное, и картошка – не фиолетовая... Ладно, потом – идёт.

В дверях показалась немного настороженная невысокого роста женщина. На вид – лет тридцать пять – сорок.

– И правда, чего она себя старой-то обзывала? Видать просто натура такая – попричитать и поприбедняться. Учтём. Зато информацию тянуть клещами не придётся – сама всё выложит – только повод дай.

Мешковатое платье из грубой ткани коричневого цвета совершенно путало представление о её комплекции. Такого же плана унылый чепец с обвисшими "бортами", плохо удер-

живал выбивающиеся вьющиеся тёмные волосы. Видавший виды длинный фартук. Бледное круглое лицо, на котором почти чёрными бусинами блестели любопытством испуганные глаза. Бесцветные тонкие губы и пуговица носа дополняли образ.

– Здравствуй, Томасина. – как можно естественнее поприветствовала я.

– Ой госпожа! – служанка отмерла, перестала топтаться на месте и на парусах своих широких юбок рванула к кровати, опасливо покосившись на отступившего на шаг с её траектории Сашу.

Лицо её сейчас выражало такое облегчение, будто вместо условно адекватной меня она готовилась увидеть здесь по меньшей мере полоумное чудовище.

– Я так рада, так рада, что всё обошлось. Не зря же вы всегда такая моельница набожная были... (Я внутренне округлила глаза и сглотнула. Это про меня?) Вот всевышний и смилостивился, и уберёт дитя своё... – продолжала тараторить она.

– Томасина, мне нужна твоя помощь. – поспешила прервать эту прорвавшуюся лавину стрёкота.

– Слушаю, госпожа. – с некоторым даже торжеством зыркнув в сторону Саши, она, наконец, замолчала. (Мол, вот! А вы, многоуважаемый сайрон, не пускали меня к деточке! А я ей нужна!)

– Давай-ка промоем мою шеву... мои волосы. (Пока я, во-

лей всевышнего, не отодрала их с корнем – хотелось добавить, но сдержалась.) Без тебя совершенно не справиться.

– Но как же... вставить сайрон Алекс запретил. – растерялась тётка.

– Вот так потихоньку на край сползу и голову свешу, а ты в тазу хорошенько прополощи. – подсказала я.

– Сейчас-сейчас. – пообещала она и поспешила на кухню.

– Ты сейчас куда-нибудь технично удались ненадолго, а то, кажется, наша Томасина сайрона Алекса немного недолюбливает. Я её постараюсь разговорить и выяснить побольше о нашем происхождении. – шёпотом открыла совещание по итогам знакомства.

– Есть немного – я её там чуток выстроил вчера – пришлось с боем заставлять продукты обнародовать. Только куда же тут в четырёх стенах податься? – в тон мне ответил Александр.

– Иди в кладовке, что ли, ревизию наведи, ну не знаю... А что там в третьей комнате?

– Ладно, разберусь. Давай пока помогу тебе устроиться поудобнее, чтобы она совсем-то всю койку не устряпала. А то хозяйюшка она у нас ещё та.

К приходу служанки, с гордым видом тащившей таз с водой, я уже была на заданной позиции в полной боеготовности.

– Пойду я в кладовке приберусь пока. – нарочито громко заявил Саша, вызвав новую волну напряжённого недоумения

на лице Томасины.

– Знаете, сайрин Тасмин, сайрон Алекс стал такой странный после болезни. – доверительным шёпотом заговорила она, как только мой сосед прошествовал к двери и плотно закрыл за собой дверь.

– Ну так на краю побывал человек. – так же сокрушённо-доверительно поддержала беседу я и передала инициативу в её руки, – Как нас нашли только?

– Так это хромоту Лигеру спасибо. – пристраивая мою голову в таз, начала рассказывать Томасина, – Он и нашёл. А что случилось – так никому правдиво и не известно. Да только, рассказывают, телега перевёрнута, вы с молодым сайроном на снегу, все в крови, а лошадка ваша пропала. О-хо-хо-о! Как ещё насмерть не замёрзли – одному всевышнему ведомо. А вот муж ваш с той поры изменился. Ходит тут порядки свои учиняет... Где это видано, чтобы меня же к моей госпоже не пускать. Он, может, и познатнее родом будет, но как поперёк воли родительской пошёл – тоже ведь теперь не богач...

– И что, родители даже навестить не приезжали? – осторожно спросила я, давая повод к новым откровениям.

Из дальнейшего рассказа служанки выходило, что Алекс этот из семейства посолиднее моего будет, но тоже не сказать, что Рокфеллеры. Дела требовали поправки и его родные присмотрели сыну невесту из состоятельной семьи. Да только молодой сайрон решил свою судьбу устроить иначе и сбежал из дома за большой и светлой любовью к нищей сироте. За что и был предан родительской анафеме.

Информация лилась из Томасины, как из рога изобилия. Кажется, тётке после пережитого стресса, просто хотелось поговорить – поделиться собственным мнением и пережива-

ниями.

Что касается моей судьбы – тоже не составило труда выяснить. Как два года назад погибли родители Тасмин от рук мародёров, так и пришёл конец нашей относительно сытой жизни. Пока батюшка управлял хозяйством – всё было в порядке. Не жировали, но и не бедствовали. А теперь без грамотного руководства всё медленно, но верно шло к упадку.

Помимо этого дома я, оказывается, владела большим куском земли, который моим родителем сдавался в аренду, что давало неплохой прибыток. Однако, Тасмин была барышней совершенно не приспособленной к самостоятельному ведению хозяйства. Из того, что я сейчас слышала, сам собой напрашивался вывод, что единственное, в чём моя предшественница действительно хорошо разбиралась – так это в молитвах, вышивках, нитье и страданиях.

Поэтому, арендаторы быстро смекнули, как можно надуть бестолковую молодую девчонку, и не преминули этим знанием воспользоваться. В итоге, того, что выручала она, едва хватало на то, чтобы пережить зиму. Родительское добро тоже потихоньку распродалось. В общем, весело всё.

– Так может и мы с сайроном от мародёров пострадали? – снова задала наводящий вопрос я.

– Может, госпожа. Как война закончилась – много лихих людей развелось. Солдат с довольствия сняли, а многие из них ничего не имеют, да и не умеют. Вот и подаются из бывших защитников в злодеи. Э-эх... – снова вздохнула она.

Здесь я решила, что на сей момент пока достаточно разговоров. Тем более, что голова моя, которая уже просто кругом шла от полученного объёма информации, уже была отмыта. Оставалось прояснить ещё один важный вопрос.

– Спасибо тебе, Томасина за то, что не бросила нас с сайроном Алексом в трудную минуту. – с заходом из-за печки начала я, – Хочу тебя отблагодарить. Да и жалованье, наверное, пора платить?

– Что вы, госпожа. – засмушалась тётка, – Я же всё понимаю. Такое несчастье... Я же с вами с самого детства...

Но на лице служанки при этих словах отчётливо проступило облегчение – зарплату наёмной батрачке и в самом деле, по всей вероятности, задержали – это я угадала.

– Достань, пожалуйста, деньги. – попросила я, наблюдая за тёткой.

– Откуда, госпожа? – с наигранной неосведомлённостью спросила она. Это было видно по напряжённо засуетившемуся взгляду. Всё-таки, скрывать эмоции моя служанка не умела абсолютно. А где деньги хранятся – знает совершенно однозначно.

– Томасина, доставай, ты же видишь – я толком пошевелиться не могу – не то, чтобы встать. – миролюбиво сказала я.

– Не подумайте чего худого, госпожа, я просто как-то раз заметила... – замямлила тётка, отступила назад, опустилась на карачки и поползла, не поверите – под кровать.

– *Жуть, как оригинально.* – отметила про себя, – *А главное – надёжно.*

Вынырнула из-под койки Томасина с деревянной шкапулкой и красным от натуги и смущения лицом. Из чего следовало, что признаваться в обладании хозяйскими секретками было неловко, но деньги были сейчас нужнее и важнее, чем немного помятая репутация.

– Возьми, сколько я должна. – предложила я, – Возьми, возьми.

Я понимала, что, вероятно, для хозяйки не самый лучший выбор обнародовать перед служанкой свои "банковские счета", тем не менее, вариантов не было. Как можно было выдавать человеку зарплату, совершенно не ведая сколько и что за денежная система здесь вообще существует?

Томасина поставила шкапулку на табурет, открыла и двумя пальцами, подглядывая внутрь буквально одним глазом, достала плоскую, грубо обрезанную квадратную железку.

– Вот, сайрин, за месяц – один тал. Тут всё на месте. Как перед венчанием продали матушкину брошь, так всё в сохранности и лежит. Жалко-то как – последнее, что ценного оставалось от родительницы...

Я вытянула шею и тоже заглянула в шкапулку, на дне которой ещё лежали две таких же железки, как та, что теперь перекочевала в руки Томасины и в уголке примостилась поменьше размером, но потолще.

– Возьми ещё вон ту, – тыкнула я пальцем, – за заботу. В

качестве моей личной благодарности.

– Что вы, госпожа! – едва не задохнулась она в ответ, – Ни за что на свете Томасина не ограбит свою сайрин. Мы, конечно, люди не богатые, но совесть имеем. Это же пять моих жалований. Где же видано, чтобы целый талиший в благодарность забрать. Вы, госпожа, ещё от болезни, видать, не отошли, – спешно закрывая коробочку, она снова полезла под кровать – водворять мой смешной "сейф" на законное место.

– *Чуть не спалилась.* – я прикусила язык, – *Выходит, толстенькие кусочки – дороже, хоть и меньше на вид. Будем иметь ввиду.*

В этот момент в комнату вернулся Саша. Судя по выражению лица, ему уже до смерти надоело слоняться по дому из угла в угол. Мы с Томасиной и в самом деле довольно долго провозились. Главное – всё не без пользы.

– Ну что? – одними глазами спросил "муж".

– Порядок. – так же молча кивнула я.

– Томасина, разогрей нам, пожалуйста, обед и можешь отправляться домой. – скомандовал он, чему служанка была только рада – той полученная монетка явно "жгла кошелёк".

Дождавшись, когда просьба была выполнена и за Томасиной захлопнулась дверь, спокойно взялись анализировать полученную информацию. Саша в своё отсутствие тоже времени даром не терял.

– Ну и прижимистая у нас экономка. – между ложками

высказал своё мнение он, – я там в кладовке порылся – ещё кое-что нашёл. Продукты уже пропадать начинают, плесневеть, а она всё кроит чего-то, за каждую крошку трясётся.

– Зато совестливая какая – знала, где деньги лежат и не взяла. А могла бы обокрасть и смыться, бросив нас на произвол судьбы.

– Это не совесть, а простой здравый смысл. – прагматично заметил сосед, – Ну обокрала бы она, а если бы мы и без неё выжили, да обнаружили? Куда отсюда бежать с этими копейками? Зима, деревня, да и дети у неё – их за собой в бега не потащишь.

– Я с тобой вот тут не совсем согласна. Всё равно – совестливая. Большую монету не взяла, а ведь я по неведению и предлагала. Так что, может, и заполошная она, и хозяйка – так себе, но хоть порядочная.

– Ладно, допустим. Теперь давай соображать, куда мы всё-таки попали. Я что-то никак не пойму. Вроде бы всё похожее – люди, вещи, драконы вокруг не летают – а названия чудные... Как, говоришь, она деньги называла?

– Талы. А толстая монета, выходит пять талов – талиший. Если хочешь – посмотри, в шкатулке под кроватью.

– Успеется. Вот смотри – сайрон, сайрина – не припомню, чтобы встречал где-то подобное обращение. Хотя бы даже в случайных описаниях.

– Меня всё тянет себя сайрой обозвать. – хохотнула я.

– ? – Саша непонимающе уставился на меня, потом сообразил и тоже рассмеялся, – А-а-а! Ну да, забавная аналогия.

– Я думаю, мы с тобой в альтернативную историю угодили. – высказала своё предположение я.

– Историю чего? Какой страны?

– Никакой. Альтернативную историю земли.

Алекс.

Всю неделю прожили, как партизаны в глухом подполье. День сурка – по одному маршруту: койка – кухня – мойка. Вымотался, честно сказать, как собака. Таня всё ещё лежит, на эту Томасину, пока не нарычишь – ничего по нормальному не сделает. Да и нарычишь – не всегда помогает. Ходит потом ещё косится подозрительно, да губы дует. Как они тут с таким отношением к здоровью, да и просто, чёрт побери, к быту ещё совсем не повымирили? Понятно ведь – без банальной чистоты и хорошего питания – на ноги не встать. Похоже, здесь этот вопрос – риторический.

Самое смешное – в деревне есть травница! Но к нам её не позвали. Я, когда про это узнал – обалдел. А на резонный вопрос "почему?" – реакцией был такой возмущённо-негодующий взгляд, будто ответ совершенно очевиден, а я только что предложил ей заголить панталоны на виду у всей деревни, а не доктора пригласить. Еле заставил эту упрямую тётку привести в дом местную знахарку. А то ж до последнего брыкалась с непреклонным, каким-то одержимым упрямством.

Мотивация отказа убила наповал – исходя из её логики, по-нашему говоря, все эти шарлатаны – от лукавого. А сайрин Тасмин "ни в жисть не согласится против законов все-

вышнего идти" – нет, ну вы слышали? Я чуть голову ей не открутил – не знаю, как сдержался. Мол, если судьба – значит и выживем, а если высшие силы против – так ничего не поможет! Только перед господом "замажемся" и в верхние пределы потом не попадём. Где же этим бедолагам – нашим предшественникам – сдюжить было?!

Ну, видимо, почуяла наша хреновая заботушка, что я её готов пришибить не сходя с места, потопала до докторицы местной. И то, зараза, дверь захлопнула и оттуда, всё-таки, пискнула ещё раз, что сайрин Тасмин будет против.

Пришлось вернуть строптивицу и, сурово глядя в глаза, импровизировать:

– Все в воле всевышнего, Томасина! И ежели он, всемило- стивый, допускает, чтобы лекарки существовали, то и поль- зоваться их услугами – не грех! Или ты думаешь, что ты свя- тее самого господа нашего?!

Этот религиозный выверт смутил зловредную тётку и за- ставил наконец-то заткнуться и отправиться за травницей.

Ведунья, как её... Хора, кстати, оказалась тёткой адек- ватной. По крайней мере на фоне нашей малохольной Тома- сины – так вообще эталон здравомыслия. И внешне прият- ная – спокойная. Без суеты поздоровалась, да в комнату по- шла. Ну Татьяна молодец, всё как надо – сделала испуганное

лицо, но к телу, типа, допустила. К ужасу нашей служанки. Я на всякий случай вышел и её вытолкал, пока она там истерику не закатила и в обморок для пущей наглядности своего ретивого набожного несогласия не грохнулась.

Знахарка в итоге сделала вывод, что там уже ничего серьёзного – хорошо отлежаться, да травки укрепляющие попить. В принципе, я на то и надеялся. Но на всякий случай хотел убедиться, что осложнений нет. Не уверен, что и Хора наверняка ставит верные диагнозы, тем не менее – видно, что "медик" она бывалый. Как-то немного спокойнее стало.

Ну Томасина после ухода Хоры, конечно, только углы святой водой не поливала. Надымила какими-то вонючими свечками во спасение души своей сайры... тьфу ты, сайрины. Как Танька тогда пошутила с этой сайрой – так теперь и путаюсь. Так вот. Похоже, эта самая сайрин – та ещё дурочка была. Не знаю даже, как Татьяне теперь роль возвышенной молельщицы потянуть.

Одно радует – раз до сих пор не набежали соседи с вилами и призывом сжечь нас за бесовщину – значит, не все здесь такие ненормальные.

А она, Таня-то, – молодец. Хорошо держится. Главное, в панику не впадает. Нет, видно, что где-то по грани, бывает, ходит, но воли нервам не даёт. По крайней мере вслух. И смотрит на меня так, будто я её с того света на руках несущу. Украдкой, конечно, да только у меня зрение работает по старой привычке, как у хамелеона – на триста шестьдесят гра-

ДУСОВ.

– Эх, Танька, того не понимаешь, что тут ещё посмотреть – кто кого сейчас спасает. Да если бы я один проснулся в этом бреду – неизвестно, что бы было. Нет, выжить бы, наверное, выжил, но дураком – точно сделался.

Если бы со мною рядом не было слабой тебя, если бы не приходилось заставлять таскать это чужое нелепое тело, чувствовать напряжение и боль, но хотя бы так понимать, что всё-таки жив, что нужен кому-то в здоровом уме и твёрдом сознании... Просто лежал бы – мысли бы сожрали. И потом – сам бы до этих попаданцев не скоро додумался. Если вообще успел.

Сегодня спал – как убитый. Травы знахаркины так действуют, что ли? Надо поаккуратнее – первый раз не услышал, как Таня проснулась и встала. Значит, полегчало. Правду сказать – мне и самому значительно лучше. Ребро ноет потихоньку, но это надолго – притерпелся и почти уже не замечаю. Главное резких движений не делать.

Надо было вставать и пойти посмотреть, что хоть там делает моя спутница. А то рванёт сейчас вселенную осваивать, силы не рассчитает и снова свалится.

– Ну точно! – я вышел на кухню и застал соратницу по несчастью за уборкой, – Ты чего расхорохорилась? Куда подорвалась?

– Вообще-то это... на улицу. – смутилась она.

– Ты что, до горшка в одиночку потащилась?

– Да я потихоньку. Знаешь, как хорошо воздухом подышать.

– Знаю. А если бы рухнула где по дороге – ищи потом тебя, отогревай, заново лечи. Ну чего геройствуешь-то?!

– Ой, всё, не нуди. – коронной женской фразой фыркнула она, – Не рухнула же. Честное слово, бесит эта горизонтальная беспомощная жизнь. Полное впечатление, что у меня голова кружится уже не от сотрясения, а от того, что отвыкла в нормальном положении находиться. Всё, хватит тебя в хвост и в гриву эксплуатировать. Что-то я уже вполне могу делать сама.

– Ну ладно, подышала? – сдался я.

– Подышала.

– А здесь тогда что забыла?

– Слушай, если честно, не знаю, за что схватиться. – она растерянно развела руками, вода взглядом по кухне, – Тут месяц отмывать придётся. К тому же, не известно чем.

– А где наша квочка?

– Отправила за припасами – мясо на исходе.

– Хоть бы её попросила проводить. – ещё немного для проформы поворчал я.

– Да у меня от неё башка уже болит. – поморщилась она, – Только и делает, что ноет, да причитает. И попробуй возрази. Тебе-то проще – и рявкнуть право имеешь. А я-то у нас ангелочек. Хочешь-не хочешь, а терпи.

– Это да, что есть – то есть. Тем более, надо действовать

осмотрительно. Так, давай поступим следующим образом: она придёт, сделает, что там нужно, а когда мы её спровадим – тогда и возьмёмся потихоньку за наведение порядка. Я даже тебе помогу.

– Что, правда? – она так округлила глаза, будто мужик с тряпкой – это какой-то нонсенс. То ли я казарму никогда не драил?

– Да точно. Только не на виду у добронравной Томасины. Думаешь мне что ли приятно находиться в этом поросычем раю. А ты в одиночку и правда до морковкиных заговен ковыряться будешь. Ну всё, давай в койку. Пока не явилась твоя защитница и не сдала меня местной инквизиции на растерзание за издевательство над хорошей правильной деточкой.

Кажется, Таня уже и сама поняла, что чуток погорячилась так резво хвататься за работу. Пока шла – бодрилась и вида не показывала – вот же настырная – уважаю, но по осторожному долгому выдоху уже на месте – в кровати, стало понятно – слабость ещё не отступила.

А в общем-то она права – двигаться надо, заставлять себя шевелиться, включать резервы организма. Главное – не перестараться. Ну это я уже прослежу.

Самому бы уже в нормальное состояние прийти, да этому доходяге (то есть теперь уже себе) силы и выносливости наработать. Тут придётся крепко постараться. Бесит. Не кормили его дома, что ли? Да и не во внешнем даже виде дело.

(Хотя, как посмотришь – так лучше бы не смотрел.) А в том, что по всему выходит, что мы пока живём на средства, так сказать, жены. И эти средства – на исходе.

Кормить ведь "семейство" как-то надо. Зарабатывать. Или что тут сайроны делают, чтобы денег завести? До сих пор я с уверенным видом убеждал Таню не беспокоиться на этот счёт. Но реального путёвого ответа на этот вопрос у меня не было.

– На самый край – пойду охотиться. Сразу за деревней – лес. У нас и дом почти на окраине. Главное, чтобы этот лес – не был чьим-то. А то ещё не хватало за браконьерство присесть. – эта мысль давала некоторую уверенность в том, что хотя бы с голоду не помрём, пока я во всём не разберусь и не придумаю что-то более толковое.

Но, чтобы гонять по заснеженному лесу – как минимум выносливость нужна. А её нет.

Я шумно выдохнул, подавляя раздражение, и пошёл за дровами.

Тасмин

Всё, надоело валяться в кровати бесполезным бревном. Да и Хора сказала, что ничего моей драгоценной жизни уже не угрожает. Надавала каких-то травок, от которых мы с Сашей дрыхнем, как сурки. Сил, кстати, и в самом деле прибавляется. Так что, пусть мой сосед думает что хочет, а я встаю. Сам-то вон хоть как, а шевелится. Вот и мне пора.

Вчера начали с ним генеральную уборку дома. Кажется, эта полномасштабная война с застарелым бардаком будет сильно затяжной. Кстати, даже не ожидала, что мужики умеют так дотошно и терпеливо отковыривать грязь. Мне казалось, что Александр всё как-то больше по добыванию мамонтов специализируется. Потом вспомнила его хобби и логичное обоснование такой скрупулёзной педантичности нашлось само собой. Даже интересно, почему от него жена смылась. Но спрашивать, конечно, не буду.

Спасибо, он тоже в моей душе не ковыряется, лишних вопросов не задаёт. Да и не до того. Так странно... Мы с ним реально – как соседи по купе в дальнем путешествии. Вот, казалось бы, и спим на одном лежаче-посадочном месте, но как-то так, словно просто сидим на одной общей лавке. Даже неловкости никакой не испытываю.

Он, вроде, потихоньку осваивается с нашим попадан-

ством. Но брови ходит хмурит, как та туча по границе из известной песни. Да я понимаю. Эта неделя уже показала, что он, как мужик, привык тащить ответственность на себе. Как нормальный мужик, я имею ввиду. Только и я – не неженка. Тоже, знаете ли, никто ничего на блюдечке не подал.

Думаю всё, думаю... С мужем в своё время так и не сумели стать, как в счастливой сказке – одним целым, чтобы в горе и в радости. Вот так вот столько лет простояла в одиночку в обороне, устраивая благополучную жизнь, а оказалось, что... Что с посторонним человеком возможно выживать. И для этого даже не обязательно стоять лицом к лицу – достаточно просто спиной к спине. Короче, не знаю как выразить этот сумбур. Не укладывается пока ничего толком ни в душе, ни в голове. Значит что нужно сделать? Правильно, занять руки. А оно там пусть всё само пока утихает и раскладывается. И всё же, почему его бросила жена?..

– Саш, поменяй воду, пожалуйста. А то в этой каше уже только испачкать можно. – я сидела прямо на полу и скаблила ножом медный котелок. Начать решила с посуды, ибо её внешний вид реально убивает аппетит.

Однако, без современных моющих средств это оказалось совсем непросто. Мыло варить, как это делают почти все нормальные попаданки, я не умею. Помню по книжкам что-то про жир и соль, попеременно с золой, а сам процесс и пропорции – даже в ум не положила. А на что, если в магазине какой хочешь химии набрать можно и не заморачиваться.

В общем, в нашем распоряжении имелся только щёлок разной концентрации. Удовольствие – фантастическое. То, чем мне мыла голову Томасина – для отдраивания векового налёта солевой недомытой грязи и копоти – не годилось в силу своей слабости. Тут надо было "компот" покрепче. И таковой водился, но руки разъедал – беспощадно.

Почему-то я не сразу догадалась, что сперва будет полезно просто прокипятить в этой щёлочи котелки и миски. Наверное потому, что сто лет не доводилось видеть настолько ухайдоканную посуду. А уж тем более драить. Но, как говорится, ударный бестолковый труд всё-таки заставляет включаться голову. Из воспоминаний детства тут же всплыл "бабушкин" способ. Только мама с бабулей, кажется, ещё и клей туда лили. Самый простой – канцелярский.

Клея в наличии не имелось (в отличие от золы, в которой недостатка точно не было), из чего его сочинять – ума не приложу, в общем, залили тем, что было и поставили на длительную варку. И знаете, это радикально облегчило задачу. Потом песочек и нож мне в помощь – и кухонная утварь начала приобретать божеский вид.

Одних суток игры в Золушек нам хватило, чтобы задуматься над тем, как припахать к делу Томасину. Нет, ну в самом деле – сейчас же не лето, в огороде колупаться не надо, времени – море, жалованье я ей заплатила, а чего мы пашем, как два одиноких стахановца?

Одна беда – наша впечатлительная служанка точно не

поймёт, если увидит целого сайрона с тряпкой в руках. Поэтому на вечернем совете было решено отрядить его на другие хозяйственные дела – например, по закупу необходимого. Да и мелочей в доме накопилось. В смысле, вещей, требовавших ремонта. Двигался он уже сносно и с читаемым облегчением согласился на что угодно, лишь бы больше не "скоблить тазики". На том и порешили.

Надо было видеть лицо Томасины, когда я объявила ей о начале великого крестового похода против грязи, оккупировавшей наш дом. Ей-богу, бедолага пару раз точно рукой дёрнула, вовремя останавливаясь, чтобы не осенить себя знамением. Оно тут, кстати, совсем не такое, как у нас.

Здесь верующие проводят правой рукой перед глазами в знак признания своей слепоты перед ликом и деяниями милосердного Дреуса (это местный бог), а потом кладут её на грудь, обещая слушать его только сердцем. У Дреуса есть четыре, как бы это сказать – помощника что ли. Точнее помощницы. Наверное, как наши архангелы? Господи, и наш, и местный, простите мне мою дремучесть в этих вопросах, если что не то сказала. Но по богатым на религиозную лексику причитаниям служанки, я поняла именно так.

Упс, отвлеклась.

В общем, Томасина впала в транс, увидев с тряпкой даже меня – не то, что Сашу. Пришлось с убийственно-ласковым выражением лица (убийственно – для меня) нудно убеждать её в том, что труд – очищает, работа – наше всё, в

грязи заводятся злые духи и вообще – мне было знамение. Кажется, она сочла, что я всё-таки немного повредила рас-судком.

В конечном итоге, вышел Алекс, которому осточертело слушать из соседней комнаты всю эту тягомотину, зыркнул на неё внушительным взглядом и сопротивление было сломлено. Думается, она уже успела усвоить, что с сайроном спорить не только бесполезно, но и вредно.

Если честно, бесило это вынужденное сюсюканье до белого каления. Ну почему я, как кроткая овечка, должна убеждать человека, которому заплачено, в том, что он должен сделать свою работу хорошо?!

– *А потому, дорогая моя, – напоминала я себе, – что ты теперь не начальница в нормальном мире, где подчинённые в курсе и своих должностных инструкций, и того, что будет, если их не исполнять добросовестно. А нерадивого сотрудника можно просто уволить за несоответствие. Теперь ты – малохольная сайрина Тасмин, которая слова худого никому в жизни не сказала и делать ничерта не умеет. Вот и привыкли здесь все всё исполнять, как попало. И даже рыкнуть нельзя, чтобы не порушить окончательно и так уже изрядно пострадавшую веру в твою адекватность. А уволить тем паче – иначе наша добрая Томасина разнесёт на всю деревню, что мы здесь совсем крышей поехали – тогда уж точно гостей с вилами жди.*

Заквасив очередную закладку посуды решила перетрясти

дом в поисках полезного имущества. И очень даже успешно. В недрах моего сундука обнаружилось несколько приличных вещей – пара платьев из более благородной ткани, чем то, что мы таскали дома и три великоватых – видимо оставшихся от матери Тасмин. Можно попытаться их ушить. Не сказать, что я великая белошвейка, но этот навык, пусть и не обязательно на блестящем уровне, но однозначно имеется у любой женщины.

Свадебное платье, кстати, тоже нуждается в починке. Да и Сашины вещи надо внимательно просмотреть – возможно тоже есть над чем поработать.

В третьей комнате, которой никто не пользовался по причине того, что её, в таком случае, тоже нужно было бы отапливать, а дрова – в дефиците, Сашу насторожил подозрительно шаткий кусок пола в самом дальнем углу. Судя по отметинам, здесь когда-то стояла кровать. Скорее всего родительская, которую потом продали.

Недолго думая, напарник подковырнул сомнительную доску ножом и обнаружил тайничок. К нашей великой радости, в нём находился перевязанный свёрток, в котором лежали четыре серебряных ложки и две маленькие брошки. Интересно, почему Тасмин продала мамину брошь, а не эти вещи? Не знала об их существовании? Ну, с её-то хозяйственностью – немудрено. Вероятно, это была заначка родителей девушки, о которой они не распространялись и дочери рассказать не успели. Помнится погибли мать и отец одновре-

менно и внезапно.

В общем, чем дальше – тем интереснее. Саша тоже сделал ряд полезных для нас находок.

Саша устроил глобальную ревизию в сарае, где хранилась куча всякого хлама, в загородке обитали четыре заморенных курицы и по всей видимости раньше проживала угнанная злодеями лошадка.

Так вот, по итогам он с гордостью сообщил, что имеет твёрдое намерение изготовить из оставшегося лошадкиного провианта напиток богов высокой градусности. Я недоверчиво покосилась на выволоченные в центр помещения мешки с овсом и высказала свои большие сомнения в адрес этой дурацкой, на мой взгляд, затеи:

– И что, ты прям самогонку гнать умеешь?

– Ха! Отец с дядькой Матвеем такие эксперименты ставили – закачаешься. В буквальном смысле. Чтобы мама крепче спала и меньше ворчала, все приспособы базировались у нас в гараже. Ты только не подумай, они не алкаши какие были, тут сам процесс интересен. Ну и дегустация, конечно, но без фанатизма.

– Так его же вроде из овса не делают? Ну я по крайней мере не слышала. Из пшеницы, из ржи там – знаю, а овёс?

– Не представляешь, из чего они только не пробовали варить свои шедевры. Из гречки, яблок, варенья, берёзового сока, картошки – да из всего подряд. А каков получался самогон из риса! Мы с пацанами маленько тырили у предков

– так, чтобы в глаза не бросалось. Овёс почти не используют потому, что у него выхлоп небольшой. Ну и бог с ним. Сколько получится – всё наше. – азартно рассказывал он.

– Сахар – не дам. Его и так мало.

– Да и не нужен мне твой сахар – он только вкус зернового самогона портит. Как говаривали эти два закадычных экспериментатора – у кого хоть раз получился зерновой – никогда не вернётся к сахару. От него даже хмель совсем другой – благородный, если хочешь.

– Не хочу. – решительно отрезала я, – Тебе что, забот мало? Помимо прочего, сам аппарат ещё соорудить потребуются. Мне кажется, у нас дел и так – выше крыши.

Ну ей богу, как ребёнок. Нашёл интересную для себя игрушку и что теперь, действительно насущные вопросы подождут?

– А куда этот овёс теперь пристроить? Пропадёт же добро! – выдвинул сомнительный контраргумент мой визави.

– На печеньки, блин, изведу! – саркастически поджала губы я, – Продадим. А куры?

– Да ему цена – две копейки в базарный день! Его же здесь не тонна. – не сдавался Алекс, – А так и ценный продукт получится, и курам твоим хватит.

– Ага, бесценный. Прямо продукт первой необходимости. – проворчала я, сдавая позиции. Резон в его словах был – овса того и в самом деле маловато для того, чтобы его продажа существенно поправила наше материальное положение. На ал-

коголика мой сосед не похож, а если это занятие поможет ему разгрузить голову от угрюмых мыслей – да пожалуйста, жалко что ли. Хоть хмуриться меньше будет. Но вслух, всё-таки, добавила, – Я в этой афёре не участвую.

– Танька, ты – мужик! – радостно заявил он, поняв, что таможня дала добро.

– Не Танька, а Тасмин. Мы же договорились! – шикнула я, – За мужика – отдельное спасибо.

– Виноват, был не прав. – нисколечки не раскаиваясь лыбился он.

– Ой-ой-ой, как мы оживились. – сузила глаза я, сдерживаясь, чтобы не рассмеяться, глядя на эту довольную физиономию, – Ладно, я пошла, работа стоит.

Возвращаться к едкому щёлоку и монотонной скоблёрке совершенно не хотелось, но деваться было некуда. Сильно беспокоило то, что руки от этого убойного средства приходили в ужасное состояние. Резиновых перчаток пока никто не сочинил. Водой эта гадость до конца не смывалась – кожа оставалась какой-то осклизлой. Чтобы хоть как-то её восстановить, я взялась изводить имевшийся в доме жир. Неожиданно неплохо помогало, особенно если в этом жиру подольше посидеть не смывая.

Томасина смирилась с новым режимом и корпела рядом со мной, про себя явно проклиная моё невесть откуда взявшееся рвение. Зато почти молча – что было большим плюсом. Вот так пусть и ведёт свои внутренние монологи сама

с собой, а то же не затыкалась, как поломанное радио. По первости ещё нет-нет, да и пробубнит что-нибудь про то, что негоже сайрине так утруждаться, но я уже пропускала это ворчание мимо ушей. Работает – и ладно.

Негоже, понимаешь... И что, если денег на нормальный штат работников нет, а одна служанка со всем хозяйством не справляется, что же теперь – мхом обрастать? Зато дворянка, етить – колотить. Но в целом, домашняя революция прошла успешно. Старый порядок сломлен, курс на новую светлую жизнь – взят.

Саша, кстати, вопреки моим опасениям, взялся за свою часть работы с ещё большим рвением. Как будто дал себе совестьливую установку, что время на новое хобби нужно заслужить перед самим собой, выполнив и перевыполнив список нарезанных на день задач.

Разгребая сарай и сортируя его содержимое на одному ему понятные кучи, наводил порядок и осваивал предметы местного мужского быта, периодически забегая в дом, чтобы погреться и поделиться новостями.

– Слушай, нашёл снегоступы и рюкзак. – озабоченно рассказал он в один из "перекуров" на горячий чай, – Не могу понять, где ружьишко. Уверен, оно должно где-то быть. Может ты посмотришь своим острым женским взглядом? Всё перерыл – не нашёл.

– И не найдёте, сайрон Алекс, – встряла в разговор Томасина, тоже присевшая передохнуть, – Родители сайрины его

с собой забрали в ту последнюю поездку. Времена-то лихие. Только не спасло оно их. Ох-о-о... Вот уж сколько годов вроде и мир объявили, а всё одно покоя нет.

– Это плохо. – прокомментировал Алекс, прерывая начавшую было заводить любимую шарманку разговорчивую служанку, – Но ничего, выкручусь. Я там нарыл куски старого железа – это просто очень полезная находка. Осталось теперь разыскать толкового кузнеца. А скажи-ка, Томасина, кто у нас первый кузнец на деревне?

– Так он у нас один и есть – и первый, и последний. Шасир – чуть подальше от нас дом его. – поднимаясь с табуретки ответила она и пошла на кухню, едва слышно ворча под нос, – И на что ему кузнец? Совсем оба с ума посходили. В храм не ходят, что попало делают, надо самой идти – свечку ставить.

Я нарисовала себе жирный крыжик в голове, что ради поддержания легенды надо и в самом деле в храм добраться. А то как-то совсем выпустила из внимания этот момент, а служанка наша, видишь, волнуется.

– Слушай, а и вправду, зачем тебе кузнец?

– Так на охоту я с чем пойду?

– С чем? Ты что, на охоту собрался? – потрянула головой я, пытаюсь освоить какую-то очевидную, но мне пока недоступную логику его неожиданного замысла.

– Собрался, куда деваться. Хоть мясо в доме будет.

– Так ружья же нет.

– Вот поэтому мне и нужен кузнец. Хочу метательные ножи заказать.

– Ты что, и это умеешь? – вот уж чего совсем не ожидала. – Даже не знаю, что сказать, человек-сюрприз.

– На родине и за её пределами неплохо получалось. Только придётся потратиться на специальные. Нет, я, конечно, могу попробовать кухонный пометать, но, подозреваю, мы так без столовых приборов останемся – хлеба порезать нечем будет. – усмехнулся он, – Всё-таки не по бумажным мишеням использовать предстоит. Тут специфическая балансировка очень желательна.

– Н-ну, давай... заказывай. – растерянно промямлила я, – Свежая дичь – это было бы здорово. А то я хожу на наших дохлых кур облизываюсь. Но Томасину точно удар хватит, если предложить их зарубить – они же аж по два яйца в неделю производят. Да и сама понимаю, лучше сберечь – летом можно будет попытаться расплодить.

– Ну с птицей ты сама решай. А я, как с сараем закончу, отнесу железяки кузнецу, да в лес на разведку снаряжусь. Заодно хворост таскать начну. Волокушу только подшаманю.

– У нас волокуша есть?

– У нас много чего есть. Отец твоей Тасмин – хозяйственный мужик был. Только без него тут всё капитально захирело. И знаешь ещё что, ты тут пока дом шерстишь, обрати внимание на поиск хоть каких-то амбарных книг. Понятно, что девчонка, скорее всего, вела учёт как попало, а может и

вовсе не вела. Но отцовские – точно должны были существовать. Их нужно найти. Скоро весна – без этих записей мы не ориентируемся, как грамотно распорядиться землёй.

Честно сказать, мне эта мысль тоже уже приходила в голову. Я даже как-то пыталась пошариться именно с этой целью, но с наскоку не нашла. Оставалось одно – методично разгребать дом. Если и можно что-то разыскать – то только так.

– *Какое, всё-таки, счастье, что в нашем доме всего три комнаты.* - подумала я, обводя придирчивым взглядом плоды наших трудов и радуясь тому, что свет в конце тоннеля вовсю маячит, и конец уборки близок.

По сути, оставалось только капитально разгрести кладовку. Правда вот это оптимистичное "только" – весьма сомнительное утешение. Уж мы-то с вами знаем, сколько всего может в себя вместить даже относительно небольшой, на первый взгляд, шкаф – не то, что целая кладовка. Думаю, разбор этого скромного по размеру помещения будет стоить уборки полноценной комнаты, если не больше.

Мои опасения подтвердились в полной мере. Саша, конечно, пытался навести здесь хотя бы видимость порядка – когда мы в первый раз тесно общались с Томасиной. Но это же всё – не то. Любая нормальная хозяйка будет устраивать такой важный стратегический бытовой объект под себя, как говорится, под свою руку.

Помимо припасов, пустивших корни в деревянные полки, в дальнем углу, упакованные в разных размеров узлы и накрытые грубой холстиной, обнаружили вещи, оставшиеся от родителей Тасмин. Я с большим интересом выволокла всё в прихожую и взялась детально изучать содержимое баулов.

– Так, мужская одежда – Саше по росту, но вишь – великовата. Хотя... если на него нарастить мяска, то, может и подойдёт. – я расправляла и откладывала в сторону довольно приличные вещи. Слежавшиеся и мятые – ну да и ничего – поправимо.

– Обувь... Примерять надо, но вполне может оказаться в пору – вообще отлично. Зимний тулуп, шапка, нож... Ого! Нож-то какой необычный – вещь. Занавесочки – прелесть – перестираем, обновим... постельное...

На самом дне нашёлся изрядно пожёванный мышами тюфяк. Долго его ворочала, размышляя, что с ним делать. Так-то неплохо было бы отселить соседа с койки. Тесновато, скажем прямо, для "не пары". Но в таком состоянии этот древний матрас совершенно непригоден для использования. Спать на бывшем мышинном гнезде он вряд ли согласится. Я бы – точно не стала.

– Ну ничего, я его аккуратно распорю, вытряхну, постираю и заново набью – будет как новенький. И переместим мы нашего Алекса к тёплой печке.

Рассматривать соседа натурально, как мужа, я была совершенно не готова. Нас сейчас крепко объединяла одна беда. И он, безусловно, отлично себя проявляет в этой непростой ситуации. И я очень благодарна за это. Но... мы ведь по-сути совершенно друг друга не знаем.

Да, он довольно симпатичный на физиономию, доходяга, конечно, но кость не мелкая – это видно. Годам к тридцати –

тридцати пяти заматерееет – тот ещё самэц будет. Вот и непонятно, как тогда поведёт себя. Когда всё наладится, я имею ввиду. А то, что наладится – есть определённая надежда.

Знаете, принято считать, что "друг познаётся в беде", но, исходя из личного опыта, это не всегда так. Была у меня в прошлой жизни подруга, которая в проблемных ситуациях – просто "скорая помощь". И поддержит, и побудет рядом, и сделает, что возможно. Но! Как только у меня всё хорошо – это какой-то караул. Не знаю, как это назвать – ревность к чужому счастью? Аллергия на не своё благополучие?

Ладно, что это я вспомнила вдруг... Тут, конечно, несколько иной расклад. И тем не менее, мы изначально совершенно посторонние люди – нас ничего не связывало до сих пор. И неизвестно, свяжет ли когда-нибудь по-настоящему.

Кстати, татушки, которые свежие, оказались брачной отметкой. А предыдущие – типа паспорта с информацией о времени, месте рождения, крещения и принадлежности к роду.

– А вот вопрос, разводы в этом мире существуют? – озадачилась я. – Рано или поздно, надо честно признать, придётся определяться с отношением друг к другу. Вдруг позже выяснится, что совершенно не подходим характерами, и что, вот так и терпеть друг друга всю свою новую жизнь? Обитать на одном пространстве просто соседями? А если я кого-то другого по-настоящему люблю?

– *Хорошо ещё, что напарник эротическими грёзами не бредит. Ну это у него голова просто на месте. Тоже соображает, что с контрацепцией – полный швах, а внеплановые дети нам точно в данный момент родительского счастья не принесут и жизнь не облегчат. Молодец. Тело молодое, а ум взрослый – полезное сочетание... Так, ну чего растележилась-то?* – одёрнула я себя, осознав, что уже, наверное, с пол часа сижу на одном месте с тюфяком в руках, – *Где же всё-таки хозяйские амбарные талмуды?*

В найденных вещах искомые документы так и не обнаружались. Я сперва расстроилась, а потом всё-таки нашла! Нашла в самом неожиданном месте – у стеночки за прилипшим к полке почти пустом глиняным горшком с остатками прогорклого жира.

Бросив возню с тряпкой, взялась просматривать записи. Это был настоящий клад! Страницы местами слиплись и покрылись пятнами, но всё, что нужно – вполне можно было разглядеть. Более того, я запоздало отметила, что свободно читаю написанное. Буквы визуально странные, но оказалось, что если не циклиться на этом – мозг сам складывает незнакомые значки в слова.

Бегло пролистав находку, решила, что всё это требует детального изучения и сперва необходимо закрыть уже вопрос с уборкой окончательно. Захлопнула тетрадку и тут из неё едва не выпал на пол отдельный сложенный вдвое листок, явно отличающийся и бумагой, и размером от "бухгалтерской

книги". Да и содержанием – тоже.

Отложив остальные записи, взяла документ и пошла к свету, чтобы повнимательней рассмотреть, что вообще попало в мои руки.

– О, сайрина, вы всё-таки нашли отцовское завещание? – Томасина, завидев меня с документом, бросила мешать полёбку и, вытирая руки, пошла ко мне, – Ну слава богу!

– *Завещание?* – едва не спросила я прямо вслух, – *Любопытно. А зачем завещание, если братьев и сестёр у меня явно нет? Может оно не в мою пользу и всё это мне не принадлежит? Тогда почему слава богу?*

С замирающим сердцем взялась изучать содержание.

– *Да нет, вот, чёрным по белому – всё имущество завещаю своей единственной дочери, бла-бла-бла... Тем более странно... Так. Ничего не понимаю. И ведь в лоб не спросить.*

Сложив листок, пошла к Саше – тот снова окопался в сарае. Надо было срочно поделиться новостями и посоветоваться – может он какое-то логичное объяснение придумает.

– Отлично! Просто отлично! – отреагировал сосед на продемонстрированные находки, – Не пойму, чего ты такая озадаченная?

– От того, что бухгалтерия – это хорошо, а завещание – плохо.

– Да с какой стати плохо-то. Завещание как завещание – в твой адрес. Что не так?

– Как ты не поймёшь, оно – бессмысленное. Масло мас-

ляное. То, что и так принадлежит мне по праву рождения – принадлежит мне. Где логика? Зачем официально дублировать очевидное, да ещё и мотаться за этим за тридевять земель. Вот, смотри внизу – город Стрейв. Мы вообще-то в деревне Свар проживаем. А Стрейв, на минуточку – столица.

– Ты уже откуда прознала – из дому не выходишь? – усмехнулся он.

– Томасина проболталась. Да не важно. Ну?

– Что ну?

– Если отец Тасмин всё-таки счёл необходимым составить завещание, находясь в бодром возрасте, между прочим, значит в этом был определённый смысл. Всё говорит о том, что он-то как раз был человеком рассудительным и дальновидным.

– Логично. – одобрил ход моих мыслей сосед.

– Короче, мы ничегошеньки не знаем об этом мире – пора совершить вылазку в свет. И начнём мы...

– С кабака. – язвительно пошутил собеседник.

– Дурак что ли? – споткнулась на полуслове я.

– Ты где здесь "свет" нарыть хочешь? Здесь, кроме разьединственного кабака – ничего нет! Деревня как-никак.

– С храма, разлюбезный сайрон Алекс. – как ребёнку пояснила очевидную вещь, – Мы начнём с храма.

– О-о-не-е-ет! – округлив глаза протянул Саша.

– О-о-о-да-а! – в тон ему покачала головой я, – Более того, мы отправимся туда с Томасиной.

– О-о-не-е-ет! – ещё громче взвыл напарник. – Её-то на черта с собой тащить?

– А ты что ли ясновидящий? Я – нет. И понятия не имею, что он из себя представляет и как там себя вести. Будем повторять за ней.

– Может вы того, вдвоём смотаетесь? – попытался отскочить от мероприятия он, – У меня дел – невпроворот.

– Нет уж. Тебе тоже полезно увидеть всё собственными глазами, посмотреть на мир пошире, а заодно и успокоить блажное сердце нашей служанки. Всё, не халтурь. Завтра – едем.

На известие о том, что завтра едем в храм, наша служанка аж лицом просветлела и душой оттаяла.

– Только как же мы, госпожа, поедем-то? Лошади – нет.

– Да, дорогая Томасина, об этом я не подумала. – почему-то в голове засело, будто храм в самой деревне находится, и совершенно выскочило, что на молодую пару совершили нападение именно по пути из него, когда, собственно, и угнали лошадь.

– Ну ничего, ничего! Я с кузнецом сговорюсь – он своего одолжит. Чай, соседи, да и с батюшкой вашим дружен был. – от радости она готова была решить любые вопросы и собственноручно свернуть горы, если те, вдруг, станут препятствием на нашем пути к вере.

– *А вот это – полезная новость.* – подумалось мне, – *Кузнец, раз тесно общался с отцом Тасмин, может стать ценным источником информации. Ну сама-то, конечно, к нему не пойду, тут это не принято, а вот Саша вполне может попытаться с ним заобщаться. Тем более, что и предлог веский есть – дело же у него к мастеру. Как раз завтра собирался. Ой... завтра же запланировали поездку. Ну значит послезавтра пойдёт.*

Я прям уже вполне искренне хотела попасть в храм. В данной части мира – это было единственное публичное ме-

сто для меня доступное. К тому же, высока вероятность, что в нём находятся письменные источники информации. Ну не в кабаке же в самом деле за полезными сведениями идти. По крайней мере – мне. А вот Сашу попозже вполне можно отправить в это злочное пристанище любителей горячительного посланным казачком. Нетрезвые люди много говорят. Глядишь, чего ещё разведает. А пока познакомимся с местным богом, его служителями и почитателями.

Алекс нашего с Томасиной энтузиазма совершенно не разделял, но смирился, согласившись, что хотя бы изредка легенду стоит подпитывать понятными и привычными для окружающих действиями. Служанка же видит, что мы уже не просто на ногах, а пашем, как рабы на галерах – значит, отмазка про болезнь актуальность потеряла.

В общем, стараниями нашей помощницы, к утру лошадь стояла у порога и можно было отправляться.

– Слушай, а ты хоть управлять ею умеешь? – шёпотом спросила я у спутника, сообразив, что именно ему сейчас садиться "за руль".

– Разберусь. Ты, главное, Томасину отвлекай разговорами, чтобы она поменьше внимание обращала, пока я освоюсь. – так же тихо ответил он.

Отвлекать разговорами – это пожалуйста. Тем более, что дорога располагает, а я не теряла надежды аккуратно выпытать про историю с завещанием. Эта мысль назойливо не давала покоя.

Наконец, все погрузились в телегу. Наша проводница в тайны здешней религии заботливо пристроила корзину с кое-какой провизией, которую положено было брать с собой на подобные мероприятия. Я так понимаю – в дар служителям. Саша вывел серого коня за ворота и взгромоздился на водительское место.

– Эх, давно мы в храме не были. – сделав озабоченное лицо, завела беседу я, почувствовав, как повозка неуверенно тронулась с места, – Надеюсь, Дреус не сильно гневается, не наша в том вина.

– Всемогущий милостив. – подхватила Томасина, с полной серьёзностью качая головой в такт потряхиваниям рывкамидвигающегося транспорта. – Тем более, вы с детства были усердны в вере. Даже усерднее, чем матушка, хоть отец и не очень одобрял такую старательность. Ему всё казалось, что это больше необходимой меры. А где же те пределы меры определить?

– Да, папа был очень разумным и практичным человеком. – осторожно поддержала я нужную тему, – Зато такая осмотрительность оказалась очень полезной после его гибели.

– Что вы имеете в виду, госпожа? – переспросила моя собеседница, икнув на кочке.

– Да я про завещание батюшкино. – тема была скользкая, легко можно обнаружить полную неосведомлённость, ну так а как быть? Если что, буду ссылаться на "стукнутость" и про-

валы в памяти.

– Это конечно. – охотно согласилась соседка по телеге, –
Иначе бы сайрон Левс на всё свою жадную лапу наложил. –
Отец ваш очень правильно сделал, что заранее позаботился.

– *Боже мой, о чём позаботился? Зачем позаботился, и кто этот сайрон Левс?* – вопросы только плодились в голове.

К тому же, спокойно думать капитально мешало кляцанье зубов на ухабах и мотыляние по телеге – Александр никак не мог приноровиться к лошади, то пуская её, простите, его – всё-таки это оказался конь, слишком быстро, то пытаюсь притормозить. А, учитывая, что ехали мы не в комфортабельном лимузине с мягкой подвеской и не по свежеуложенному асфальту – так вообще словами весь спектр ощущений, которые мы сейчас испытывали, не передать.

Я-то надеялась, что задавать прямые вопросы не придётся, так как разговорчивая тётка сама разовьёт рассуждения, ударится в воспоминания. Не тут-то было. С темы служанка сбилась. А отвлекать беседой от ТАКОЙ езды стало невозможно.

– Простите, сайрон Алекс, Мино – беспокойный конь и плохо слушается чужих. Может лучше я возьму поводья? – несмело предложила Томасина, которую эта беспорядочная скачка тоже изрядно утомила.

– Да, пожалуй, ты права. – сдавленным голосом без всякого сопротивления легко согласился наш сайрон.

– Ты что, с лошадей справиться не мог? – не разжимая губов тихо прошипела я, когда они поменялись местами, и Томасина ласковым голосом уговаривала Мино успокоиться.

– Да он какой-то бешеный. – растерянно отбивался Саша, – И потом, ты что, думаешь я вообще всё на свете умею?

– Нет, ну чёрта лысого умеет, даже ножички метать, а с лошадей справиться – никак. – бухтела я, – Ты мне всю многоходовку поломал. Она ж почти созрела на разговор.

– Не лошадь, а конь, во-первых. – как будто это и в самом деле имело решающее значение, огрызнулся сосед, – А во-вторых... ну вот так. Да. Я вертолёт при великой нужде запустить могу, а с дурацкой лошадей не сладил. Первый опыт, знаешь ли.

– С конём. – автоматически поправила я, прочувствовав, что зря так наехала на спутника. Вон аж приуныл от неловкости, – Да ладно, извини за резкость. Что ж ты – в самом деле всемогущий бог что ли? Имеешь полное право чего-то не уметь. Просто расстроилась, что выяснить почти ничего не удалось.

– Совсем ничего дельного? – виновато спросил он.

– Нет, кое-что новенькое, всё-таки, есть. Потом поговорим.

Более-менее ровная езда наладилась, и Томасина явно наострила локаторы, получив возможность прислушиваться к нашему шёпоту.

На горизонте появилось одиноко стоящее здание. До-

вольно большое. Шпиль на крыше поднимался высоко вверх, но никаким символом не венчался.

Не знаю, это я себя так накрутила, или память прошлой жизни сказывалась, но совершенно неожиданно в глубине души зародился и рос по мере приближения некоторый даже... трепет, что ли?

Никогда не могла назвать себя глубоко верующим человеком, не очень разбираюсь в этом вопросе и даже библию, хотя бы для общего развития, пролистать не удосужилась. Правда, мимо храма без внутреннего, какого-то генетического почтения пройти не могла – но и только.

А тут... Аж не по себе стало. Ну ладно, нервы, видать. На площади неровными стайками кучковался народ, но служанка здесь даже не затормозила.

Внутри храма через огромные, по местным меркам, двери пошли, пропустив Томасину вперёд. Она, чуть задержавшись на пороге и осенив себя положенным знамением, оставила корзинку на специально поставленном для этого столе и прямым ходом направилась к статуе, расположенной в центре приглушённо освещённого помещения с довольно мрачными, но удивительным образом не вызывающими угнетающего впечатления сводами. Там и застыла, прикрыв глаза.

Мы молча проделали всё то же самое.

Здесь, видимо, нужно было постоять, поздороваться и мысленно поговорить с Дреусом. Что это именно он, стало очевидно сразу – других вариантов просто не было. В каж-

дом углу центрального зала располагалось по портрету четырёх женщин с тонкими чертами прекрасных лиц – и всё. В смысле, иных, каким-либо образом обозначенных фигур, не наблюдалось.

Стараясь не вертеть головой по сторонам, я ещё отметила позолоченные богатые, очень искусно сделанные ... вот эти штуки, куда верующие свечи устанавливают. Почти так же, как у нас, только другому богу. Взгляд зацепился за тяжёлые, тоже отменной работы рамы... ну, наверное это можно назвать иконами, чтобы понятно было. И массивные лавки вдоль стен, украшенных деревянными резными панелями с изображениями каких-то сцен. В полумраке не очень видно.

В общем, я решила не отвлекаться и для начала в самом деле поздороваться с тем, в чей дом пришла. Тем более, что исходя из внешнего вида статуи – хозяин тут серьёзный.

Это был немолодой мужчина с длинными волнистыми волосами. Никакой кротости или страдания лицо его не выражало – спокойный пронизательный взгляд, устремлённый прямо в душу. Мастер, создававший эту скульптуру – несомненно, не просто одарён, но велик.

– Здравствуй, Дреус. – с усилием подавляя волнение, на полном серьёзе внутренне заговорила я, глядя в эти необыкновенно живые глаза, – Мы – гости в твоём мире. Прошу, будь милосерден к нашей судьбе.

Вопреки ожиданиям, никакой реакции не последовало – раскатистый голос в голове не зазвучал, Ветерок не подул, свечи не дрогнули. Хотя, внутренне, после всего пережитого, я уже и к этому была готова.

Томасина отошла от статуи и направилась к столу, на котором оставляла корзину. Я и не заметила, когда подношение исчезло, а на его месте появились свечи. За тяжёлой занавеской, очевидно, закрывавшей вход в служебные помещения, только мелькнул подол тёмно-зелёного одеяния.

Местные служители, кажется, не считали себя прямыми проводниками бога и только ухаживали за храмом, полагая, что каждый желающий сможет самостоятельно найти общий язык с Дреусом, если тот сочтёт сие возможным.

Посетителей было немного, и каждый занят своим делом. Никто не шептался, не вёл беседы, так что напрасно я ожидала услышать что-то полезное. Зато в углу находилась стойка с огромной книгой и несколько поменьше лежали рядом. Вот туда точно нужно пробраться. Только неясно пока, можно ли прихожанам ими свободно пользоваться.

Решила последить за действиями посетителей, пока со свечками обходили расположенные по углам портреты. Гамина, Малота, Миана, Ариана – читала я надписи под иконами, краем глаза наблюдая за стойкой с литературой. Но к

ней так никто и не подошёл. Поэтому, набравшись решимости, сама медленно потопала в нужную сторону, каждую секунду ожидая, что кто-нибудь меня остановит. Однако, ничего подобного не произошло.

Большая книга оказалась чем-то вроде нашей библии. Прочитать её, как вы понимаете, не представлялось возможным – на это нужно время, а у меня его совсем немного. Отдельными брошюрами лежали посвящения помощницам Дреуса и своды церковных законов – вот их-то я и взялась листать с особым вниманием.

В глазах зарябило от незнакомых понятий и слов, но удалось наткнуться на страницу, поясняющую условия совершения и расторжения брака. Ну с совершением – уже поздно интересоваться, а вот с расторжением... По всему выходило, что я на это действие прав не имею, а вот Алекс – вполне. При условии, что я, например, не рожу ему ребёнка в течение трёх лет.

– М-м-да! Очевидно, женской независимостью в этом мире не пахнет. Печальная новость. – отложила я книжку, заметив, что Томасина выжидающе смотрит на меня, замерев возле статуи.

К тому же в затылок кольнуло ощущение, что кто-то ещё внимательно наблюдает за мной. Обернувшись, увидела скрытую полумраком фигуру. Так и есть – невысокая немолодая женщина настойчиво сверлила меня взглядом.

Поискала глазами Алекса – не нашла. Ну и ладно, реши-

ла не спешить и доделать всё, как положено. В моих руках ещё оставалась самая большая свеча, которая предназначалась Дреусу. Кивнула Томасине в сторону лавки, мол пусть подождёт, и вернулась к статуе.

Сложно было разобраться с ощущениями. Тем более такому далёкому от религии человеку, как я. Есть он такой, как видят Дреуса местные, или нет, но присутствие силы непонятного происхождения ощущалось каждой клеткой – от скульптуры ли, от самого места, на котором находился храм – не разобраться.

– В общем, не знаю, как выразить свою мысль. Думается, ты и сам знаешь, кто я и что творится сейчас в моей душе. Поэтому, говорю, как есть – просто спасибо за то, что мы живы. А слепого поклонения, судя по твоим глазам, не требуется. Только искренность, какой бы она ни была. Вот. Обманывать бессмысленно. Ты и так читаешь в моём сердце.

Хотелось добавить, мол, если ты вообще существуешь, но в храме это было бы как-то невежливо по отношению к его к хозяину. В общем, ладно, получилось – как получилось. Поставила зажжённую свечу и пошла к выходу. А! Поймав недоумённый взгляд Томасины, вспомнила, что забыла "перекреститься". Повторила положенное движение, отметив, что что-то в нём, таки, есть, и с чистой совестью вышла на улицу. По пути отметила, что женщина, следившая за мной – уже испарилась.

А вот здесь уже Томасина первая начала здороваться со знакомыми людьми.

– Тильда, доброго здоровья, как твоя корова, отелилась? – она обнялась с толстой тёткой с дружелюбным лицом.

– Хвала всевышнему, здоровенький бычок. Доброго дня, сайрина Тасмин. – это уже ко мне, – Очень рады вашему выздоровлению

А Томасина продолжала приветствовать других посетителей площади перед храмом, без конца обращаясь в мою сторону. Как будто демонстрировала меня на всеобщее обозрение, доказывая, то ли им, то ли самой себе, что всё, мол, со мной в порядке. Прежняя Тасмин вернулась.

Откладывая в памяти новые имена и их обладателей, я с ужасом думала, что это ведь теперь предстоит наведываться сюда постоянно.

Саша, угрюмо нахохлившись, уже сидел в повозке, ожидая, когда наши ритуальные танцы с бубнами закончатся. Я сначала решила, что ему просто уже надоело ждать – от того хмурый. Но причина оказалась в другом. До дому добирались молча – щебетала только наша служанка. Но ей, как обычно, собеседники и не требовались.

– Слава всевышнему, капля упала – Дреус услышал вашу молитву, госпожа. – благодушно разливалась она.

Какая капля упала? Почему она решила, что услышал? Я-то так вообще ничего необычного не заметила.

По приезде отпустили её отдыхать и открыли большое

совещание по итогам вылазки.

– Ну, что скажешь? – спросила я, разливая чай.

Как-то незаметно у нас с Сашей сложилась традиция чаёвничать по вечерам, обсуждая события дня.

– Скажу, что этому миру явно не хватает рессор. – пробурчал он.

– Каких рессор? В смысле, при чём тут это? – не поняла я.

– Да все внутренности растряс и пятую точку отбил в этой телеге. – кажется ему просто нужно было время собраться с мыслями.

– У меня, если честно – не густо. В храме все молчали, а на площади только здоровались. Видишь, день не праздничный – народу мало было. Зато немного прояснила брачные вопросы. Информации, касательной мирских законов, там не оказалось. Остаётся только тебе заводить дружбу с кем-то и аккуратно выпытывать.

– Почему мне?

– Да потому, что ты – не местный, тебе простительно кого-то не знать. А я при первой встрече могу сдать себя с потрохами.

– Это точно. Пока ты там со здешним божеством общалась, я за посетителями понаблюдал, а потом и на улице послушал. Тебя обсуждали.

– Что говорят?

– Что мы у них сильные подозрения вызываем. Если коротко. Напрягает это. Не уверен, что сможем убедить всех

в том, что мы – это прежние они. Слишком разные. А жить так, как наши предшественники – тоска. Не потянем. Кстати, заметила бабёнку, что за тобой следила?

– Ага, заметила. Неприятный взгляд, честно сказать. А ты-то когда её засёк?

– Почти сразу. Ну я за тем и шёл, чтобы разведывать. И вот что ещё странно, ну понятно, перед посещением храма и в нём самом местные не разговаривают. Но после-то, ты же видела – здоровкаются, толпятся, чтобы поболтать, поделиться новостями.

– Ну да.

– А эта – нет. Как вышла, так шмыг, будто тут и не было. Ох, не нравится мне это. Чего-то мы важного не понимаем. И вообще, знаешь, что я думаю?..

– Ну?

– Валить нам отсюда надо.

– Ты что, издеваешься? – вытаращила глаза я. – Куда? Мы только-только здесь осваиваться начали. Чего тебе не живётся?! Дом – есть, земля – есть, отцовские документы – нашлись. Что мы в две-то головы не разберёмся, как всем этим добром себе на пользу распорядиться? Нет, я категорически не хочу никуда срываться. Да и некуда ведь!

– В город. – как будто и не было моих аргументов, категорично отрезал Саша, – В большой город. В столицу.

– Ты меня не слышишь. – я шумно выдохнула сквозь зубы.

– Нет, это ты меня не слышишь! – начал заводиться он, – Уходить отсюда надо! Не станем мы для всех прежними Тасмин и Алексом – сколько повторять?! И что, как ты думаешь, произойдёт, когда нас раскусят? И потом, ты права, земля есть – но мы-то нихрена не земледельцы. Оба.

– Так никто же не заставляет самим эту землю пахать!

– А чем тогда здесь вообще заниматься?! Это же деревня! Ничего путного в таком маленьком населённом пункте не выстроить по одной простой причине – покупать некому будет.

– Да что покупать?! И как же твои эксперименты с алкоголем?

– Эксперименты – прекрасно, но исключительно для души. Измерять температуру нагрева пальцем в производственных масштабах что ли? Мне эта тема для крупного развития – не интересна. Пусть остаётся так, как есть.

– Ну ёлки-палки, какие мы нежные. – тоже начала психовать я, – Что-то я себя не спрашиваю, интересно мне тазики драить, или нет. Беру и драю.

– Так и я, вроде не халявлю. – резонно возмутился он, – Только это – не альтернатива на всю жизнь! У нас с тобой появился реальный шанс прожить новую жизнь! Какого чёрта гробить её, занимаясь нудной неинтересной хренью?!

– Зачем, объясни мне, так скоропалительно бежать от едва забрезжившей стабильности? И неплохих, я тебе напомню, перспектив, способных спокойно нас прокормить. Куда

такая спешка?!

– Да времени жалко. И сил, которые мы вбухаем в эту твою стабильность.

– *Так, не зря всё-таки про развод прояснила.* – про себя подумала я, а вслух решительно заявила, – Тащи сюда свой самогон.

Саша одарил меня удивлённо-восхищённым взглядом, медленно поднимаясь с места:

– Согласен, здесь без ста грамм – не разберёшься.

– Ну и что ты мыслишь делать в столице, если вдруг теоретически!... Повторюсь, теоретически предположить, что мы и в самом деле туда переедем? – поинтересовалась я, когда ядрёная жидкость разлилась по чашкам.

– Да есть у меня пара задумок....

– Нет, нет и нет! Это авантюра чистой воды...

– Да ты только спокойно послушай!..

Утром я с ужасом обнаружила свою больную голову... у соседа на плече?

– *Мама!..*

Мама! – как подорванная, подскочила я, – Ой! – голова тут же отозвалась ощутимым прострелом.

– Ну и чего ты прыгаешь? – недовольно-ворчливо промычал спросонья сосед.

– Эй, сайрон Алекс, надеюсь, мы ничего такого не...

– Чего? – нагло ухмыльнулся он, повернув голову и размутив один глаз.

– Ничего! – психанула я и тут же опять не выдержала, – Ну не того? Этого...

– Да не парься, – сжалился он, отворачиваясь на бок и устраиваясь поудобнее на своей подушке, пожевал губами и продолжил, – В таком состоянии, как мы вчера наклюкались – при всём желании ничего "этого" даже теоретически не бывает. Просто ночью погасла печка, и мы замёрзли.

Только сейчас обратила внимание на то, что в комнате и в самом деле довольно зябко.

– Фу-уф! – с нескрываемым облегчением выдохнула я, – Ну и чего тогда разлётся? Шуруй давай, кочегарь, а то и чаю согреть не на чем.

– Какой чай, дорогая. Ты что не в курсе, как с похмельем нормальные люди борются? Сейчас по стопочке, потом хорошо покушать – и отпустит. – невозмутимо выдал мне рецепт здоровья Санёк.

Молодец какой – всё знает, во всём разбирается.

– Ага, прям сейчас. Баста! Пьянству – бой! Хмель, говорит, благородный... Видали мы такое благородство! Больше мне своё зелье даже близко не подсовывай! – развыступалась я, – Уй-й, башка сейчас лопнет.

– Если кто не помнит, прошу отметить – не я это предложил! – коварным образом выкрутился Алекс, – И потом, голова болит не от самогона, а от его количества. Вчера-то не жаловалась – нахваливала.

– Вот же змей! – чертыхнулась я, понимая, что он, таки, прав. Никто мне в рот насильно это пошло не лил. Так что все вопросы – исключительно к себе.

– Горыныч? – хохотнул он.

– Искусатель. – отшутилась я, – Серьёзно, вставай уже – правда не жарко – из под одеяла вылезать неохота.

– Вот и мне неохота. Но я вылезу. – он и в самом деле, всем видом демонстрируя, какой геройский герой, вытряхнулся из кровати.

Вскоре в печке затрещали дрова. Я согрела еду и чай, накрыла на стол, удивляясь порядку, царившему в доме. По логике вещей, должен был остаться бардак. Стопроцентно. Вообще не помню, чтобы когда-то напивалась до провалов в памяти, но, смею предположить, что в таком состоянии вряд ли задумываются о том, чтобы затевать уборку.

– Слушай, а кто тут вчера чистоту навёл? – наслаждаясь благодатным ощущением, как горячая похлёбка растекается

по внутренностям, поинтересовалась я.

– Ты. – удивлённо ответил напарник-собутыльник.

– Я?! – аж ложку отложила, силясь хоть приблизительно вспомнить окончание "вечеринки".

– Ну да, и меня ещё припахала. Пока, говоришь, порядок не наведём – спать не ляжем. Я тебя чуть не придушил, но пришлось подчиниться – ибо совестлив зело.

– Это тебя с похмелья на витиеватые речи тянет? – хмыкнула я, – А до чего мы вчера договорились? Надеюсь, я не согласилась на переезд?

– Нет. – неохотно ответил Алекс и, задрвав указательный палец вверх, добавил, – Заметьте, мог бы и соврать, пользуясь твоим... неведением. Но нет. Дартаньяны не врут! Нежным барышням по крайней мере. Ты как хочешь, а я не мазохист – стопку налью.

– Погоди, тебе же сегодня ещё к кузнецу топать. И самогон свой волшебный, кстати, прихвати. Вот с ним и угостишься.

– Я же сказал – не мазохист. Какой угостишься? – возразил он, – Одно дело стопка-другая выздоровления для, и совсем другое – на второй круг. У меня что, семь здоровий и девять жизней? Не хочу я... с кузнецом.

– А придётся. Боюсь, у тебя просто нет выбора.

– С чего ты так решила? Может кузнец не пьёт вовсе.

– Пьёт. – уверенно отрезала я, вспоминая характеристику, данную ему Томасиной, – Если бы просто ножи заказать – то пожалуйста, можно и без магарыча, а нам-то разговорить

нужно. Значит придётся под пузырь посидеть. Отец Тасмин так и делал. В кабак не ходил, а, чтобы потрепаться, да отдохнуть – к кузнецу наведывался. Так что извини, придётся маленько пожертвовать твоим драгоценным здоровьем. А я тебе даже бульончик на утро свеженький приготовлю. – примирительно добавила, заметив страдальческое выражение на лице собеседника.

Снарядив нашего разведчика на боевой выход, осталась ждать его возвращения. Чтобы не терять времени даром, а напротив, с пользой его скоротать – взялась за починку одежды. У Томасины сегодня и завтра были законные выходные, так что в тишине и полном одиночестве время тянулось медленно.

Перештопав Сашины две рубашки, свадебное платье и подметав бортик простыни, решила, что надо бы сменить вид деятельности – спина катастрофически затекла. Пометавшись между отцовскими бумагами и тюфяком – выбрала последний. Ну его, от греха. Сегодняшняя ночь напомнила о том, что всё-таки следует поспешить выселить Александра с кровати. Пока чего лишнего не случилось.

Как же вовремя я озадачилась этим вопросом! Правда совсем по другой причине. Сказать, что сосед от кузнеца явился расписной – всё равно, что промолчать. Я про себя даже посочувствовала ему заранее и, грешным делом, посомневалась в собственной утренней настойчивости. Зато информации мой "супруг" раздобыл – с лихвой и именно то,

что надо.

В общем, добравшись до мягкой кондиции, кузнец окончательно зауважал Алекса и доверительно, но громко сокрушался об утрате друга – отца Тасмин то есть.

– Не спроста-а-а на них напали! – дублируя слова мастера, горячился Алекс, – Ой, не спроста! И нас порешить по той же причине хотели!

– Да по какой причине? – пыталась я добиться конкретики от хмельного, к тому же булькающего негодованием соседа.

Опуская подробности того, каких усилий мне потребовалось, чтобы навести ясность, выходило следующее.

Отец Тасмин получил земли, которыми я сейчас владела – в наследство. Но! Он был не единственным ребёнком в семье. Имелся брат, которого по какой-то неизвестной кузнецу причине дедушка Тасмин обошёл вниманием. Скандал, в общем, вроде того, как Алекса сейчас лишили прав на наследство, только история была явно не романтическая. Нехорошая история.

В итоге, братец страшно оскорбился, расстроился и за таил обиду. Даже, судя по всему, не просто обиду, а лютую ненависть к отцу. Наступив себе на горло, несколько раз к нему приходил, требуя справедливости, но батюшка ему отказал и в последней перепалке со скандалом выдворил за порог, запретив и носа совать на его земли.

Вот родственник и нанял разбойничков, чтобы те угробили законного владельца спорного имущества.

Вопрос, а на кой предмет это было делать, если имелась я – вроде как наследница. И тут, внимание, ответ – по законам этих земель, в случае смерти хозяина, его имущество отходило либо сыну, если таковой имелся (это как раз не наш случай), либо старшему родственнику мужского пола, который в этом случае обязывался содержать оставшихся без кормильца женщин. Коим и являлся в нашей ситуации любезный дядюшка, уюкавший родного брата. Не важно, что чужими руками.

Очевидно, зная своего родственника и предчувствуя подобный разворот событий, отец Тасмин таскал с собой в поездках ружьё, а также на всякий случай позаботился о завещании – это был единственный законный способ оставить земли за девочкой. Думается, сей факт стал большим неприятным открытием для дядюшки.

Понадеявшись, что та побарахтается, не справится и сама притопает к нему с просьбами о помощи, добрый родственник решил выждать некоторое время, чтобы потом красиво взять, типа, под крыло сиротинку, обогреть, а заодно и прибрать к рукам такой желанный куш.

Потерпеть ему стоило и потому, что два подряд нападения с летальным исходом для всех членов семьи – весьма подозрительные факты. Но, никто не ожидал, что на горизонте появится Алекс. И не просто появится, а женится на безрукой малохоленной молельнице с добрым сердцем по великой любви.

Собственно, этим действием, наши предшественники подписали себе смертный приговор. Раз в доме появился мужчина – не видать дядюшке земель, как своих ушей. Вот он и решился повторить трюк с родителями.

– Да я!... – раздухарился Саша, пока, ошарашенная новостями, вела его, а точнее, почти тащила на свеженабитый матрас, – Я им всем бошки поотрываю! Они не знают, с кем связались. Ишь, нашли кого пугать! Всё, никуда не едем!

– Я согласна. – опережая окончание собственной мысли, выговорил мой рот.

– Что? – потрянул головой Алекс. – Да! Всё, говорю, остаёмся! Шиш им, а не...

– На переезд. – закончила я.

Всю ночь сосед храпел на своём новом месте, как трактор подарочный. Мало того, что от его витиеватых рулад закладывало уши, так ещё и мысли дружным осиным роем полночи носились в голове. В общем, не поняла – спала или нет.

Утром встала разбитая и больная. С нескрываемой едкой завистью посмотрела в сторону дрыхнувшего Александра и пошла варить обещанный бульон. Хотя... наверное, сегодня для него это будет слишком слабым средством. Прямо скажем, мёртвому припарка. Так что, порылась в закромах и заварила остатки знахаркиных трав. Бог его знает, помогают они от этого... недуга, или нет, но хуже – всяко не будет.

Взялась за шитьё, однако, работа не шла. Завтрак тоже в горло не полез. Так и ходила по комнатам из угла в угол, задавая себе по кругу те же вопросы, которые ночью лишали сна.

– И что же теперь всё-таки делать? Уезжать отсюда нужно однозначно. Продавать дом, земли, чтобы объект дядиново возжеления перешёл в другие руки, и делать ноги. Иначе – очень велика вероятность оказаться по ту сторону травы. Настырный родственник от своих планов точно не откажется. А мне чего-то совсем не нравится, когда меня убивают. Плавали – знаем.

– Только кому продавать? И за сколько? Где искать поку-

пателя? Чем и в самом деле потом заниматься? Куда вложить вырученные деньги?

– Да! Между прочим, о безопасности тоже надо крепко подумать. Хотелось бы дожить ещё до самого отъезда.

– А если теперь ещё и Алекс упрётся против бегства на другое место жительства? Вчера-то вон как выступал. Да нет... поди, не упрётся. Он, конечно, горячий, но и на редкость разумный. И потом, у него, помнится, своих аргументов в пользу этого шага – вагон и маленькая тележка. Ну не поставит же, в самом деле, сиюминутное бравадное желание кому-то доказать, что он крутой и бесстрашный выше интересов всей будущей жизни. К тому же, бесстрашный – не бессмертный. Один раз нам круто повезло, но мы, таки, не кошки, чтобы разбрасываться дарованными жизнями. Мнится мне, таковых в заначке больше не осталось. По крайней мере я проверять – точно не хотела бы.

Не чаяла дожидаться, когда сосед, наконец, очнётся и можно будет обсудить всю эту груду вопросов вместе. Часам к двенадцати наша светлость изволили разлепить опухшие очи. Я как раз на кухне сливала готовый остывший отвар в чашку, когда за стенкой послышался страдальческий стон и невнятное шебуршение.

– Проснулся? Ну, хвала всемогущему Дреусу. Я уж почти решила, что ты окончательно спящим красавцем заделался. Живой?

– Не вполне. – уткнувшись лбом и носом в подушку вы-

давил из себя Саша. – Где я?

– В смысле? Ты меня не пугай. Дома ты... или что, всю горестную историю нашего попаданства тебе поведать, чтобы память освежить?

– Не то. – похоже, в данный момент ему удавались только короткие фразы, – Кровать где?

– На месте кровать.

– А я?

– И ты на месте. На новом. Ну хорошо же так? Не тесно, вольготно – раскидывай руки-ноги и храпи себе на здоровье.

– М-м-м... – промычал "собеседник", бросив бороться за победу над самим собой и снова плашмя растянувшись на своём лежбище. Я, правда, так и не поняла, это он возразил, или согласился?

– Что, совсем худо? – искренне посочувствовала я, приложив прохладную ладонь к его горячему лбу и временно отодвинув накипевшие вопросы. Всё равно в таком состоянии голова работать не станет. – Я тебе лекарство принесла.

– Не-ет! – судорожно просипел наш невольный алкоголик, завидев в моих руках чашку, – Убери с глаз, Христа ради. Лучше сдохнуть. Сейчас вот так вот лягу поудобнее и с наслаждением помру. Ибо жизнь в этом состоянии по определению невозможна.

– Так, не паникуй. Это не то, что ты подумал. – успокоила я, поняв, что в его представлении лекарство в чашке – это зловредный самогон, – Травки знахаркины. Пей давай. Ещё

поспишь и будешь, как новенький.

– Точно? – он высунул больной глаз из под одеяла.

– Зуб даю. – бодро подтвердила я, хотя полной уверенности, конечно, не было.

В общем, как вы уже догадались, день для него прошёл вхолостую. Прямо мимо прошёл. Выпив моё зелье, сосед благополучно вырубился. Вот и хорошо. В данном случае, сон – лучшее лекарство.

А я, осознав, что помощи сегодня ждать не от кого – взялась вдумчиво читать бумаги отца Тасмин. Не знаю, что я рассчитывала там найти, но... нашла. Одну очень любопытную запись, сделанную на полях, отдельно от подробных бухгалтерских сведений. Именно поэтому она и бросилась в глаза:

"сайрон Шасир – 200 таллиший".

– *Что бы это значило?* – зацепилась я, – *Сумма слишком большая для арендаторов. Вот, да... напротив имён, фигурировавших в этой части бумаг стояли несравнимо более скромные цифры. Как будто на ходу записал, чтобы не забыть. Или не знал, к какой области бухгалтерии отнести. На сумму долга тоже не похоже – список должников у бабюшки располагался в другой части документов. Вряд ли он мог поместить сюда эту информацию по небрежности. В тетради царил на редкость педантичный порядок. Всё чётко по своим местам: мухи – отдельно, котлеты – отдельно.*

Сходила на кухню, навела чаю и на всякий случай ещё

раз залезла в перечень должников в поисках этого имени. Нет. Ни в этой статье, ни в графе возвращённых сумм сайрон Шасир не значился. Я уже на пять раз проверила.

– Так. Тогда что? Не могла эта запись появиться случайно. Не могла-а... – я задумчиво потёрла кончик носа, – Значит, остаётся два варианта: либо это всё-таки взятый и не возвращённый долг, что очень маловероятно, или... этот самый сайрон предлагал отцу выкупить его земли за такие деньги. Думается, так. А что ещё?

– Было бы неплохо. – я возбуждённо заходила по комнате, проверяя на прочность свои выводы, – Только кто он, где его искать, и осталось ли вообще предложение актуальным? Блин, времени прошло слишком много... – досадливо поморщилась я, – Но попробовать всё равно стоит. Может, этот уважаемый сайрон сам не купит, да кого-то другого присоветует.

От того, что появилась маленькая, пусть даже совсем призрачная надежда на решение одной из резко вставших задач, стало маленько легче.

– Интересно, а что это за тётка была? Ну в храме которая. – мысль неожиданно перекинулась в совершенно иное русло, – Надо бы у Томасины спросить. Может она тоже обратила на неё внимание? Ну или Алекс опишет. Я-то в потёмках не разглядела, а он её при свете дня наблюдал. Как появится – побеседуем предметно.

К вечеру сосед проснулся в сносном состоянии. Помятое

отёчное лицо, конечно, свежестью не блистало, но мозг уже включился. Желудок тоже.

– Слушай, может и вправду не стоит с алкогольными изысками мутить. Какой-то нездоровый у тебя напиток получился. – прокомментировала я, накрывая на стол.

– Да чёрт его знает. – нахмурился он, не имея желания продолжать эту тему, – Давай вернёмся к нашим... баранам. Ситуация серьёзная.

– Уж куда серьёзнее. Надеюсь, ты вчера это пошутил, когда вопил про "всех убью – один останусь"?

– А я вопил?

– Поздравляю, уважаемый, – вы вчера сравняли счёт – повторили мой "подвиг" и достигли, таки, вершин небытия.

– Так, попрошу оставить этот прискорбный факт без комментариев.

– В общем, вопил, руками махал. – понимающе свернула дебаты я.

– Ну это, конечно, бред. – порадовал адекватностью собеседник, – Что ж я пацан, что ли, безмозглый... Пободаться можно было бы, конечно, но какой смысл? Если я всё равно не хочу здесь оставаться. Кстати... – его лицо осенило смутное воспоминание, – Ты, вроде, согласилась на переезд. Мне же не приснилось?

– Всё верно. Более того, пока ты грезил в объятиях Морфея и самогонных испарениях, я времени тоже даром не теряла и кое-что нарыла.

Сходив за тетрадью отца, изложила Саше цепочку своих рассуждений.

– Любопытно. – прокомментировал он, почесав лоб и пару раз пятернёй, как гребёнкой, продрав вихры на макушке, – О-очень любопытно. Будет большой удачей, если окажешься права. А ты – молодец. – в первый раз вслух похвалил сосед, вперив в меня одобрительный взгляд.

С вечера ещё благоразумно договорились не посвящать раньше времени Томасину в свои планы.

– Она, конечно, не зловредная, да и тебя любит – нарочно пакостить не будет, но болтливая до невозможности. – пояснил мотивацию для этой особой скрытности Саша, – Только скажи – вся деревня к вечеру будет знать о том, что мы задумали. А нам сие совершенно не полезно. До дядюшки долетит – махом активизируется, жук-оглоед.

– Да мог бы и не говорить – ежу понятно, что режим тишины стоит протянуть как можно дольше. И всё же, как искать этого товарища?

– К кузнецу пойду. Вот этот, как раз, молчун – каких поискать.

– Ага, молчун. – усмехнулась я, – Всю подноготную моего семейства тебе выложил налегке.

– Тут ты не права. Во-первых, я – теперь член этой семьи, мужчина, призванный позаботиться о дочери его друга.

– И чего он, такой друг, Тасмин в своё время не помог, не подсказал, как с землями быть.

– Да потому, что он – кузнец. Куз-нец. Мастер по железьякам, а не земледелец, и сам в этих вопросах – ни в зуб ногой. Какой с него советчик? Так, не отвлекай. На чём это я...

– Что он – молчун, а ты призван обо мне позаботиться. –

сбурдом Есила краткое содержание беседы я.

– Да! Так вот, я сумел внушить ему доверие... Ну и что ты лыбишься? Гляньте, хохочет она! Я тут союзника на нашу сторону привёл, а она... Мужик он нормальный, говорю, да и я – не поганка. Вот и сошлись накоротке.

– Сколько же вы скушали до этого коротка? – веселилась я, – Так сказать, измерим степень и глубину погружения в новое полезное знакомство в литрах.

– Да ну тебя. – отмахнулся он и дробно постучал кончиком ложки по столу, сделав профессорское лицо, – Посерьёзнее, пожалуйста. Так. Опять сбила... Вот. Этот трепаться не будет, тем более и сам догадался, что нам грозит опасность. Помощь предлагает, хоть и сам ещё не знает какую. В общем, кузнец – молодец. Ты на него даже не пыли.

– Нет-нет, ни в коем случае. – легко сдалась я. – А как вопросы безопасности решать будем?

– Ещё не знаю. Гадство... даже ружья нет. Придётся, всё-таки, купить. – ругнулся он, – Ну в дом, я думаю, твой родственник не полезет. Это ещё повезло, что в храм мы ездили спонтанно и коня Томасина брала у мастера. Иначе, вполне можно было нарваться на засаду. Теперь-то дядя точно в курсе, что мы встали на ноги и добровольно погибаться не планируем. Сдаётся мне, тётка та – из его лагеря была. Уж больно красноречиво себя вела. Наверняка с докладом к хозяину рванула.

– А почему бы ему в дом не полезть? – решила уточнить я.

– Да такие персонажи по-другому действуют. Тихушник он, привлечь внимание к ситуации не хочет – осторожничают. Нападения вдали от деревни организовывает. Если решится на поджог или там бандитский набег непосредственно в хате – то только в крайнем случае. Если прознает про реально уплывающие шансы на победу, например.

– Ясно.

– По этой самой причине, если с твоим сайроном, как бишь его... не сладится, покупателя будем на стороне искать. И ускоряться надо.

– Скажи, пожалуйста, у тебя хотя бы приблизительно наметки есть, что мы в той столице делать будем?

– Есть мысли, но всё по месту решать придётся. Для начала купим домик где-нибудь на спокойной окраине. Недорогой. Освоимся и потихоньку на ноги вставать начнём.

– М-мда. Довольно размытые перспективы. Но выхода всё равно нет. Ладно, поди, не пропадём.

– Да не бойсь, прорвёмся. Придумаю как денежку заработать – в городе это проще, чем в деревне. По крайней мере нам.

– Саш, я думаю, первое время не стоит афишировать, что мы – дворяне. – озвучила только пришедшую в голову мысль.

– Почему? Думаешь, в этом мире мало небогатых дворян?

– Не в этом дело. Не надо нам прислуги в доме, понимаешь? Ну их, эти лишние уши. С хозяйством я и сама справлюсь. А высокородным, если ты заметил, здесь работать не

положено. Какими бы нищими они ни были.

– Мысль разумная, но трудноисполнимая. – он демонстративно задрал рукав, намекая на татуировки.

– Ёжкин хвост, я и забыла, что тут вся подноготная на всеобщем обозрении... Значит... например, можно пошить широкие кожаные браслеты – типа семейного украшения, чтобы хоть часть информации закрывалась. – на ходу предложила я.

– Ладно, подумаем. Это пока не первостепенная головная боль. Слушай... может собаку заведём, а? Сторожевую. – внезапно сменил тему Алекс.

– Собаку? – опешила от неожиданности я, – так её кормить надо.

– Кто о чём... – усмехнулся он, – Прокормим, не переживай. Тут в другом проблема.

– ?

– Хорошего пса, по уму, самим растить надо. Чтобы с детства – один хозяин. А нам сторож сейчас необходим. Преданный сторож. Мне бы так спокойнее из дома уходить было. – всё-таки, Сашу не отпускали опасения, насчёт возможности вражеского вторжения в жилище.

– Тут я не эксперт, не знаю, что предложить. – развела руками, чувствуя, как противный холодок пробежался между лопаток, пощекотал затылок.

– Я сейчас. – он внезапно подскочил из-за стола и куда-то засобиравшись, – Подожди здесь.

Ага, щ-щас, застрашал сперва, а теперь подожди, дорогая, здесь. Я тоже в темпе вальса втискивалась в тёплую одежду.

– Жди, говорю. – скомандовал сосед.

– Я здесь одна не останусь. По крайней мере – сегодня. – твёрдо ответила я, и Алекс махнул рукой.

Выскочив на улицу, он замер, определяясь с направлением, затем рванул в темноту.

– Ты хоть поделись, куда мы вообще бежим? – попросила я, перекрикивая свист поднявшейся к ночи метели.

– Пёс. В деревне есть бесхозный пёс, которого все боятся. Кузнец об этом оговорился. Сейчас я вспомню... Арт! Да! Его хозяин – здешний лесничий погиб на охоте, а пёс остался. Волкодав. Прибить собаку у местных то ли рука не поднялась, то ли сил не хватило... Хотя, хотели бы – пристрелили давно. В общем, не понятна мне эта сельская логика, но собака где-то посреди деревни живёт, прикованная на цепь к столбу.

– А зачем нам собака, которую все боятся? – на мой взгляд, резонно спросила я.

– Именно затем и нужна, что все боятся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.